

ПЕТЛИ СНА

КЛИМ РУДНЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Клим Руднев

Петли Сна

«Автор»

2026

Руднев К.

Петли Сна / К. Руднев — «Автор», 2026

Что бы ты сделал, если бы знал точную дату конца света? Ваня Сон случайно попадает в прошлое и понимает, что может спасти весь мир от уничтожения. Ему удастся изменить ход событий, но... Еще попытка... еще... и еще... Стоит ли лезть в прошлое, если каждое твое вмешательство только затягивает петлю? Иван берет ответственность за мир, который его об этом не просил. Есть ли граница между героизмом и самонадеянностью?

© Руднев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Портал в подвале	5
Глава 2. Информация	11
Глава 3. Попытка 2	19
Глава 4. Охота за данными	27
Глава 5. Цена ошибки	34
Глава 6. Один вечер без портала	41
Глава 7. Следы прошлого	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Клим Руднев

Петли Сна

Глава 1. Портал в подвале

Я проснулся на холодном бетонном полу и сразу понял, что напился вчера до состояния овоща. Голова раскалывалась так, что невозможно было ее повернуть, так еще и сушило во рту. Открыл глаза. Вокруг темно, хоть глаз выколи.

— Бля... — выдохнул я и попытался встать.

Получилось хреново. Ноги подкашивались, руки тряслись. Я уперся ладонью в стену — штукатурка холодная и отваливалась кусками. Подвал. Я в подвале «Гравитона» — бара, где мы обычно пили. Как, нахер, я сюда вообще попал?

Вспоминал с трудом, по кусочкам. Бар. Макс рассказывал какую-то дичь про правительственные заговоры и контакты с пришельцами. Линда подливала пива и посылала нас обоих. Я пил. Много. Потом... потом что? Полез в подвал за чем-то? За сигаретами? За бутылкой? Хрен его знает.

Теперь я отчаянно пытался прийти в себя. Голова раскалывалась, во рту пересохло и саднило. Поднялся на четвереньки, потом встал, держась за стену. Да-да. Подвал «Гравитона». Знакомый до боли — ящики с пустыми бутылками, старые стулья со сломанными ножками, металлический стеллаж у дальней стены.

Только стеллаж стоял не там, где обычно.

Я моргнул, пытаясь сфокусировать зрение. Стеллаж был сдвинут в сторону, будто его кто-то недавно двигал. И за ним...

За ним была дверь.

Железная, ржавчина местами облупилась, ручка тоже была стертой. Я был здесь десятки раз, таскал ящики, помогал Линде с бараклом. Стена была сплошной, я готов был в этом поклясться.

А сейчас вдруг появилась дверь.

Я замер. Сердце колотилось так, что я слышал пульс в ушах. Ладони вспотели. Хоть убейся, не было здесь раньше никакой двери. Откуда взялась?

— Хреново дело, Ваня, — прошептал я себе. — Совсем хреново. Совсем свихнулся от алкоголя.

Но любопытство оказалось сильнее страха. Или алкоголь еще не выветрился, притупив инстинкт самосохранения.

Я толкнул дверь. Она поддалась беззвучно, будто петли кто-то недавно смазал.

За ней оказалась лестница вниз. Крутая, узкая, ступени бетонные и неровные. Бетонные стены по бокам, ржавые трубы под потолком. Темнота внизу такая плотная, что казалось, она материальна.

Подвал под подвалом. Seriously? В этом здании? Я не знал про этот уровень. Линда никогда не упоминала. Да что здесь происходит?

Я нащупал в кармане телефон, включил фонарик. Узкий луч света прорезал темноту, высветив неровные ступени, влажные от конденсата стены.

Спускался медленно, держась за холодные перила. Считал автоматически — раз, два, три... семнадцать. Последняя ступень.

Внизу луч фонарика уперся в еще одну дверь. Та была приоткрыта.

И в этот момент за ней что-то мелькнуло. Голубоватое свечение — на долю секунды, словно кто-то махнул фонарем с той стороны.

Я замер, прислушиваясь. Тишина. Только капает где-то вода и гудят трубы.

Я толкнул дверь, и она открылась без звука и сопротивления.

За ней была маленькая комната. Метра три на три. Голые бетонные стены в трещинах и разводах сырости. Пол неровный, кое-где проступала арматура. Пусто — ни коробок, ни мусора, вообще ничего.

Кроме **этого**.

Посреди комнаты висел... разрыв. Другого слова я не находил. Вертикальная трещина в воздухе. Края размытые, будто кто-то разодрал пространство тупым ножом и бросил. А за ним — темнота. Не просто черная, а **глубокая**, какая бывает в космосе на фотографиях. И по этой темноте бежали голубоватые вспышки, как молнии на грозовом небе, только беззвучные.

Я стоял в дверном проеме и не мог сдвинуться с места. Дышать стало тяжело — воздух будто сгустился, давил на грудь. От разрыва тянуло холодом. Таким сильным, что я почувствовал, как по спине побежали мурашки, а пальцы начали неметь.

В ушах зазвенело. Как в граваере, когда резко набираешь высоту и давление скачет.

— Это неправда, — сказал я вслух. — Я нажрался. Я сплю. Это глюки.

Голос прозвучал глухо, будто комната поглощала звук.

Разрыв не исчезал. Вспышки продолжали мигать внутри — медленно, с интервалом в пару секунд. Свет падал на стены, отбрасывал странные тени, которые двигались, хотя в комнате ничего не шевелилось.

Я сделал шаг вперед. Ноги подкашивались, но я заставил себя идти. Еще пара шагов...

Остановился в полуметре от разрыва.

Вблизи он выглядел еще страннее. Края мерцали, будто постоянно перестраивались — растворялись и снова собирались. Холод стал нестерпимым. Я поежился, сунул руки в карманы куртки, но это не помогало. Зубы стучали.

Протянул руку. Пальцы дрожали — не знаю, от холода или от страха.

Еще немного... еще чуть-чуть...

Коснулся края разрыва.

И сразу понял, что это была ошибка...

Гравитация едва не вывернула меня наизнанку. Желудок подскочил к горлу, перед глазами вспыхнули белые вспышки. Я не кричал — просто не смог, потому что воздух выбило из легких. Тело растянулось, сжалось, закрутилось в спираль. Кости трещали. Кожу жгло, будто я упал в кипяток. Во рту металлический привкус стал таким сильным, что я подавился собственной слюной.

Длилось это секунды четыре-пять. Но ощущалось как вечность.

А потом резко оборвалось.

Я рухнул на пол. Холодный, металлический, гладкий. Ударился коленями, локтями, головой. Боль пронзила тело, но я ее почти не почувствовал — слишком много других ощущений. Тошнота накатила волной, я перевернулся на бок и меня вырвало прямо на пол. Желчь, кислота, остатки вчерашнего пива.

— Бля... бля... бля... — выдавливал я между спазмами.

Лежал минуту, может, две. Дышал тяжело, судорожно. Сердце колотилось как бешеное. Голова раскалывалась еще сильнее, чем до этого.

Потом заставил себя открыть глаза.

И понял, что теперь я не в подвале «Гравитона».

Длинный узкий коридор с низким потолком. Стены темные, гладкие, будто отполированные, но это не металл — что-то другое, органическое, что ли. По стенам тянулись светящиеся полосы — биолюминесценция, наверное. Голубоватый свет был тусклым, но достаточным, чтобы видеть.

Я сел. Руки тряслись так, что еле удержался. Посмотрел на ладони.
Не мои.

Пальцы длиннее. Кожа... серая. Темно-серая, с синеватым оттенком. Четыре пальца вместо пяти. Длинные, гибкие, с тонкими суставами.

Я уставился на руки и не мог поверить. Перевернул ладонь, посмотрел на тыльную сторону. Та же серая кожа. Никаких волос. Ногти короткие, но острые.

— Что?.. — выдавил я. Голос прозвучал не так, как обычно. Ниже. С каким-то странным призвуком, будто я говорил из-под толщи воды.

Вскочил на ноги. Пошатнулся — центр тяжести другой. Ноги, что ли, короче? Тело ниже? Ростом я был сантиметров сто шестьдесят, не больше. Я, который вообще-то гордился своими метр семьдесят восемь.

Огляделся. Коридор пустой. Ни души. Только гудение где-то в глубине — низкое, монотонное, как работа огромных двигателей. Звук отдавался вибрациями под ногами.

Я не в подвале. Я не в Нео-Москве. Я не в своем теле.

— Охуеть просто, — прошептал я и засмеялся. Истерично и зло, потому что не знал, как иначе реагировать.

Сделал шаг вперед. Потом еще один. Ноги двигались нормально, хотя ощущения были странные: будто надел чужие ботинки, которые вроде подходят по размеру, но натирают. Дышалось даже как-то иначе. Легкие работали, но с непривычным усилием.

Дошел до конца коридора и увидел дверь. Круглую, без ручки. Я уставился на нее, не зная, что делать. Коснулся ладонью. Металл под кожей оказался теплым и от него исходила тоже легкая вибрация.

И дверь открылась. Просто так. Беззвучно, плавно, половинки разъехались в стороны.

Я шагнул внутрь.

Передо мной возникла большая овальная комната. Стены из того же материала, что и в коридоре. В центре — стол, если это можно назвать столом. Скорее консоль — голографическая проекция, светящиеся символы, которые я не мог прочитать. Вокруг стола стояли несколько... существ.

Таких же, как и наверняка я сейчас.

Серая кожа. Большие темные глаза без белков. Узкие рты. Длинные руки. Ростом чуть ниже человека. Одежда — темные комбинезоны, обтягивающие, с какими-то знаками на плечах.

Они не смотрели на меня. Были заняты — обсуждали что-то, жестикулировали, тыкали пальцами в голограмму. Говорили на языке, который я не должен был знать. Но вот что интересно, каким-то образом я понимал, что они говорят.

Это было самое странное. Слова были чужими, звуки непривычными, но смысл доходил. Будто кто-то вбил мне в мозг автоматический переводчик.

— Протокол «Зеро» одобрен, — сказал один из них. Голос ровный, без эмоций. — Встреча с представителем ООН назначена на 14 марта 2055, в десять утра по земному времени. Я замер у входа. Сердце колотилось. Протокол «Зеро»? ООН? Четырнадцатое марта?

— Линч прибудет на шаттле, — продолжил другой. — Капитан Эйрен проведет переговоры. Условия договора утверждены. Технологии в обмен на ресурсы. Все идет по плану.

Третий кивнул как-то странно, будто он медленный робот.

— Земляне ни о чем не подозревают. Протокол начнет работу сразу после подписания. Расчеты верны: через пятьдесят лет популяция сократится до допустимого уровня. Еще двадцать — и планета будет готова к колонизации.

Я стоял и не мог пошевелиться. В голове проносились обрывки мыслей, пытался понять, что, блядь, происходит. Протокол. Вымирание. Колонизация. Земля.

Они говорили о вымирании человечества. Как о статистике. Как о рутинной процедуре.

— Жак-Та, — донеслось до меня.

Я вздрогнул, повернулся и понял, что он обращается ко мне.

— Да, старший инженер, — ответил я автоматически. Голос прозвучал ровно, без дрожи. Будто тело знало, что говорить.

— Проверь энергосистемы в отсеке J-7. Завтра встреча. Все должно работать без сбоев. Я кивнул. Медленно, как делали остальные.

— Понял. Выполню.

Развернулся и вышел из комнаты. Ноги несли меня обратно в коридор. Я шел и не понимал, куда иду. Тело двигалось само, будто знало маршрут.

Свернул за угол. Остановился. Уперся рукой в стену. Дышал тяжело, судорожно. Голова кружилась.

Я не в подвале. Я на космическом корабле. В теле пришельца по имени Жак-Та. И только что слышал, как они планируют медленно колонизировать человечество.

— Ни хера себе, — прошептал я. — Ни хера. Себе.

Из меня вырвался короткий истеричный смешок. Потом я ударил кулаком по стене. Больно. Рука онемела, костяшки пальцев загорелись. Но боль была пока что единственным доказательством того, что это не галлюцинация и я не словил какую-нибудь «белочку».

Я в космосе. В теле пришельца. И у меня в голове — чужие знания. Имена. Должности. Даты.

Словно кто-то залил их в мой мозг вместе с инструкцией по использованию этого тела.

Четырнадцатое марта. Встреча с представителем ООН. Подписание договора о технологическом обмене. Запуск протокола «Зеро».

Я знал это. **Просто знал.** Как знаешь свой адрес или имя матери. Информация была в голове, но я не помнил, откуда она взялась.

— Ладно, — сказал я вслух. — Ладно, Ваня. Думай.

Но думать не получалось. Голова раскалывалась. Тело чужое. Все вокруг чужое. А в черепе кружилась чужая информация, которую я не должен был знать.

Я закрыл глаза. Сосчитал до десяти. Выдохнул.

Когда открыл глаза, в конце коридора стояла кхаэлианка.

Выше остальных, с почти черной кожей и бездонными, глубокими глазами, в которых блестели голубые искры. На плечах ее темного комбинезона виднелись серебристые знаки различия — замысловатые, непонятные мне, но я **знал**, что это высокий ранг.

Капитан.

Имя всплыло в голове само — как те даты, как информация о встрече.

Эйрен.

Я не знал, откуда я это знаю. Но знал. Так же четко, как знал, что у меня сейчас четыре пальца на руке вместо пяти.

Она изучала меня. Слишком долго и внимательно. Будто видела насквозь.

Я замер. Не мог пошевелиться или отвести взгляд.

А потом она повернулась и так же молча ушла.

Я выдохнул. Руки тряслись. Сердце колотилось как бешеное.

Нужно было уходить. Нужно было возвращаться. Куда? Как? Через тот разрыв в подвале? Он тут тоже есть?

Я побрел по коридору. Тело вело меня куда-то само. Свернул налево, потом направо. Дошел до служебного отсека. Дверь открылась.

И там, в углу, мерцал разрыв. Такой же, как в подвале «Гравитона». Голубоватый свет, размытые края, живая темнота внутри.

Портал.

Я взглянул на терминал, а потом на свои серые руки с четырьмя пальцами.

Паника нарастала. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Я был здесь. В чужом теле. На корабле пришельцев. За сорок лет до моего времени.

И я понятия не имел, как вернуться обратно.

Портал. В подвале «Гравитона». Я прошел через него. Значит, должен быть способ вернуться.

— Нужно попробовать, — прошептал я. — Надо вернуться. Нет, надо сваливать и побыстрее.

Может, я все еще лежу пьяным на полу подвала, и мне снится этот бред. Может, стоит только вернуться — и все исчезнет.

Я огляделся. Коридор пустой. Никого.

Развернулся и пошел обратно тем же путем. Шаги глухие, тело чужое — короче, легче, центр тяжести смещен. Свернул за угол. Еще один. Служебный коридор. В конце — тот же разрыв в воздухе. Мерцающий, холодный, с голубыми вспышками внутри.

Портал.

Я замер перед ним. Протянул руку, осторожно коснулся края.

И провалился в пустоту.

Очнулся на полу подвала «Гравитона». В своем теле. С пятью пальцами на каждой руке, привычным ростом и в потертых джинсах и рабочей куртке.

Лежал и смотрел в потолок. Дышал тяжело. Встал на ноги с трудом, держась за стену. Без опоры уже бы упал.

Окинул взглядом небольшую комнату, в которой находился.

Посреди комнаты все еще висел портал — все так же мерцал, живой, реальный. Голубоватые вспышки пробегали по его краям.

Я проверил руку. Шрам от ожога сваркой на месте. Пять пальцев. Человеческая кожа.

— Я вернулся, — прошептал я. — Я, блядь, вернулся.

Глаза наткнулись на арку и стеллаж. И щель, через которую все еще пробивался голубоватый свет.

Если кто-то спустится в подвал и увидит это...

Я выругался про себя и бросился к стеллажу. Схватился за край, уперся ногами в пол и потянул обратно. Металл заскрипел. Уши свернулись в трубочку от скрежета, но я продолжал толкать. Я дернул сильнее, навалился всем телом. Банки загремели. Еще парочка свалилась, разбиваясь вдребезги.

— Да заткнитесь ты, — прошипел я и навалился еще раз.

Стеллаж встал на место. Арка исчезла за ним. Свет погас — только тонкая голубоватая полоска пробивалась через щель, но если не знать, куда смотреть, можно и не заметить.

Я отступил на шаг. Вытер пот со лба. Дышал тяжело. Смотрел на стеллаж и думал: «Может, потому оно так и стояло всегда? Может, поэтому никто не знал про портал?» Лучше оградить мир от хрени, которая забрасывает в 2055 год в тело пришельца.

— Охуеть, — прошептал я. — Просто охуеть.

Бар встретил меня привычным шумом. Музыка, голоса, звон кружек. За стойкой стояла Линда — короткая стрижка, шрам на щеке, фартук в пятнах.

— Сон! — крикнула она. — Ты где пропадал? Полчаса как в подвал свалился!

Я уставился на нее. Потом на часы на стене. Двадцать три сорок.

Полчаса.

Я пробыл на том корабле минут двадцать, не больше. И здесь прошло столько же.

— Линда, — сказал я. Голос дрожал. — Какое сегодня число?

Она посмотрела на меня как на идиота.

— Шестнадцатое января. Ты точно не обдолбался там внизу?

16 января 2095 года.

Я добрался до барной стойки. Сел и положил голову на руки.

— Линда, налей мне чего-нибудь крепкого. Прямо сейчас.

Она пожала плечами, достала бутылку виски и без вопросов плеснула в стакан.

— На тебе лица нет, Сон. Чего случилось?

Я выпил залпом. Виски обжег горло, ударил в голову. Но не помог.

Потому что в голове крутились цифры.

14 марта 2055 года. Встреча. Протокол «Зеро».

Пятьдесят лет после запуска — начало активной фазы колонизации.

Еще через двадцать лет — завершение терраформирования, полная зачистка.

Я закрыл глаза, считая.

Две тысячи пятьдесят пятый плюс пятьдесят. Две тысячи сто пятый.

Тридцать лет до начала колонизации. Я еще успеваю. Теоретически.

Год полной зачистки планеты — 2125. Финальная точка. Когда от человечества останется либо пепел, либо жалкие остатки в резервациях.

Я открыл глаза и посмотрел на стены бара. На облупившуюся краску. На голографический экран, где крутились новости про очередной взрыв в промзоне.

Сорок лет прошло с той встречи. Сорок из семидесяти. Больше половины пути.

Первая война за воду — шестьдесят третий год. Африканский конфликт. Миллион погибших. Я помнил это из школьных учебников. Тогда все списали на климат.

Великая эпидемия — восемьдесят первый. Вирус, который выкосил половину Азии. Мутация, говорили врачи. Природная.

Год высадки кхаэлиан — восемьдесят седьмой. «Мирный контакт». «Технологический обмен». Я был ребенком, но помнил новости — огромные корабли над столицами. Помощь страдающему человечеству, объявили они.

Совпадает. Все совпадает.

Это не теория. Не догадки. Это уже происходит. Протокол запустили сорок лет назад. И все, что было после — войны, эпидемии, медленное вымирание — это не случайность. Это план, который работает.

Шесть миллиардов человек осталось. Было девять.

Три миллиарда мертвецов за сорок лет.

Еще тридцать лет — и начнется активная колонизация. Кхаэлиане спустятся на Землю не как гости, а как хозяева.

Я посмотрел на пустой стакан.

У меня есть портал. Который ведет на корабль пришельцев. На сорок лет назад. До того, как все началось.

Я могу остановить встречу. Сорвать договор. Не дать запустить протокол.

— Линда, — повторил я. — Налей еще.

Глава 2. Информация

Домой я добрался на автопилоте. Буквально. Граваер вез меня сам в автоматическом режиме, хотя я терпеть не мог автопилот. А сейчас сидел и тупо смотрел в окно. Голова гудела, мысли путались, руки все еще тряслись. За стеклом проплывала Нео-Москва: блоки жилых башен, промзоны с дымищими трубами, рекламные голограммы, которые орали о скидках на синт-еду и новых моделях граваеров. Небо здесь перманентно имело зловещий оранжевый от смога окрас, купол над городом мерцал защитным полем. Привычная картина. Обыденная.

Почему-то сейчас особенно ярко вспомнилось, как в учебном центре — так теперь называли бывшие школы, хотя по сути это были те же классы, только с голографическими досками и виртуальными симуляторами вместо учебников — нам показывали старые фотографии. Москва. Две тысячи десятые годы. Небо над городом было голубым. Не оранжевым, не серым, не грязно-желтым. Голубым, блядь. Как на тех древних картинках из музеев.

Преподаватель — тощая женщина лет пятидесяти с вечно недовольным лицом — рассказывала монотонным голосом, что меньше ста лет назад воздух в Москве был хоть и не идеально чистым, но достаточно безопасным. Люди ходили себе спокойно и дышали сколько влезет. И не бегали каждые полгода на медсканирование, чтобы проверить, не появилось ли в организме каких-то новых новообразований.

Я тогда не поверил. Думал, преподашка приукрашивает. Потому что для меня постоянный медмониторинг — такая же обыденность, как дышать. У каждого вшит биочип под кожу на запястье — маленькая штука размером с рисовое зернышко, которая круглосуточно сканирует организм. Температура, давление, уровень токсинов в крови, состояние внутренних органов. Данные уходят в облачную базу, и если что-то идет не так — система сама назначает визит к врачу или вызывает скорую.

Опухоли ловили на самой ранней стадии, когда клеток было меньше десятка. Удаляли таргетной терапией за пару дней, без операций и химии. Но если пропустить момент — если, например, биочип глючил или человек игнорировал уведомления — хрен вылечишь. Эти штуки разрастались за недели, буквально пожирали тело изнутри. Лечение стоило как годовая зарплата, и шансов выжить было процентов двадцать, не больше.

А преподашка рассказывала, что раньше — в ее времена, в середине века — опухоли развивались месяцами, а то и годами. И медицина справлялась даже с запущенными случаями. Без всяких биочипов, на древнем оборудовании.

И еще она говорила, что трава была зеленее, еда вкуснее, и люди жили дольше. С теми допотопными технологиями.

С ума же сойти. Как тут поверить?

Но фотографии были настоящими. Голубое небо. Люди в легких рубашках, парки с деревьями, которые не были покрыты черной копотью.

Преподашка сказала тогда еще одну вещь, которую я не запомнил. Или не придал этому значения. Что-то про 2055 год. Что именно с этого момента экологическая обстановка начала стремительно ухудшаться. Планомерно. Год за годом. Будто кто-то запустил программу на медленное уничтожение планеты.

Помню еще, как кто-то из одноклассников — кажется, Серега Крылов, вечно читавший всякую конспирологическую дичь на подпольных форумах — поднял руку и выдал: мол, ходит теория, что как раз в пятьдесят пятом Земля подписала некий секретный договор с инопланетянами — и именно это привело к тем последствиям, которые мы все видим сейчас. Класс заржал. Преподашка поморщилась и сказала, что не стоит засорять головы непроверенной информацией с маргинальных ресурсов. Я тогда тоже посмеялся. Все эти заговоры — типичная параноидальная хрень для тех, кто не может принять, что человечество само себя угрбило.

Договор. 2055 год. И с этого момента — неостановимое скатывание в жопу. Загрязнение воздуха. Эпидемии. Войны за ресурсы. Вымирание. Жадность, тупость, войны. Обычная история цивилизации, которая не смогла справиться с собственным прогрессом.

А если нет?

Что, если это не мы сами?

Что, если договор был не просто обменом технологий?

Что, если это и был наш приговор?

Граваер мягко приземлился возле моего жилого блока. Автопилот отключился, загорелся индикатор: «Вы достигли пункта назначения». Я не двигался, смотрел на оранжевое небо за стеклом и чувствовал, как внутри что-то переворачивается.

Портал в подвале «Гравитона».

Корабль «Арктур» в 2055.

Договор, который должны были подписать.

И мир, который начал умирать ровно с того момента.

Я вышел из граваера. Ноги подкашивались. Холодный вечерний ветер ударил в лицо, принес запах гари и химикатов. Я втянул воздух — респиратор не спасал полностью, едкая вонь все равно пробивалась, царапала горло и ноздри. Закашлялся, согнулся пополам, пока приступ не прошел.

Выпрямился, вытер слезы с глаз.

И подумал: а что, если я могу это остановить? Точнее, не допустить.

Что, если я снова смогу вернуться назад и сорвать этот гребанный договор?

Идея была безумной. Абсурдной. Невозможной.

Но я только что вернулся из прошлого в теле инопланетянина.

Нормальность — понятие относительное.

Я зашел домой, сбросил куртку, плюхнулся на кровать и попытался уснуть.

Не получилось.

Перед глазами стоял тот коридор. Серые стены, биолюминесцентные полосы, гудение двигателей. Чужое тело — длинные руки, четыре пальца, серая кожа. И голоса. Холодные, ровные, без эмоций.

«Через пятьдесят лет популяция сократится до допустимого уровня».

Я сел. Включил терминал на тумбочке. Голографический экран всплыл в воздухе, я ткнул пальцем в поисковик.

— Протокол «Зеро», — проговорил я вслух.

Система загрузила результаты. Первая ссылка — архивы ООН, открытый доступ. Я кликнул.

«14 марта 2055 года. Подписан договор о технологическом обмене между ООН и представителями расы кхаэлиан. Представитель ООН — доктор Джеймс Линч. Представитель кхаэлиан — капитан Эйрен, командир крейсера "Арктур". Условия: передача технологий очистки атмосферы, медицинских разработок, энергетических систем в обмен на доступ к природным ресурсам Земли. Протокол "Зеро" — официальное название программы сотрудничества».

Я читал и чувствовал, как внутри все холодеет.

Официальное название программы сотрудничества.

Хуйня. Это название программы вымирания.

Пролистал дальше. Отчеты, статистика, графики.

После 2055 года на Земле начали расти «непредвиденные осложнения». Войны за ресурсы — 2063, 2068, 2072.

Шестьдесят третий я помнил из учебников — Африканский конфликт, миллион погибших, все списали на засуху.

Шестьдесят восьмой застал уже сам — мне был год, но мать рассказывала, как они сидели в бомбоубежище три недели, когда началась Ближневосточная война. Два миллиона трупов за полгода.

Семьдесят второй — мне было пять. Помню сирены, эвакуацию, как дядя нес меня на руках через задымленный город. Европейский кризис. Четыре миллиона.

Эпидемии — в пятьдесят девятом и в шестьдесят пятом. Экологические катастрофы — загрязнение океанов, рост пустынь, вымирание видов.

Население планеты сокращалось: девять миллиардов в пятьдесят пятом, восемь в шестидесятом, семь к семидесятому.

Сейчас, в 2095, осталось шесть миллиардов.

И я знал их лица. Мать — умерла пять лет назад от рака легких (смог, говорили врачи, токсичный воздух). Отец Макса — сгорел на реакторе номер семь в восемьдесят девятом. Половина моих одноклассников — кто в войнах, кто от болезней, кто просто исчез в хаосе промзон.

Три миллиарда за сорок лет. И это только начало.

Я выключил терминал. Сел на кровати, обхватив голову руками. Но глубокое дыхание не помогало успокоиться

Теперь мне казалось, что я обязан остановить эту встречу. Не дать Линчу подписать договор. Сорвать план.

Логика железная. Проще некуда.

Только вот как это сделать?

Утром я снова проснулся разбитым. Голова болела, во рту сушняк, тело ломило. Встал, приволок свою тушу в душ, постоял под холодной водой минут десять.

Надеялся, что отпустит — хотя бы голова перестанет раскалываться, или руки дрожать перестанут. Не помогло. Вышел из душевой кабины с той же долбежкой в черепе и тем же тремором в пальцах.

Оделся, включил кофеварку на кухне. Старая модель, еще с зерновым кофе — дорогая, но я не мог пить синт-суррогат. Запах настоящего кофе хоть немного возвращал ощущение нормальности.

Выпил черным, без сахара. Горячий кофе обжег горло, но взбодрил. Немного.

Посмотрел на часы — восемь утра. Рабочий день начнется через час, надо ехать в мастерскую.

Граваеры не починят себя сами.

Но я не поехал на работу. Вместо этого полетел в центр города, в библиотеку. Старое здание, еще довоенное, с колоннами и мраморными ступенями. Внутри пусто — библиотеками никто не пользовался, все читали с терминалов. Но бумажные архивы здесь хранились до сих пор.

Я подошел к стойке. За ней сидела пожилая женщина в очках, читала что-то на планшете.

— Мне нужны архивы ООН за 2055 год, — сказал я. — Договоры, протоколы, документы по контакту с кхаэлианами.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Это открытый доступ. — она кивнула на стеллажи вдоль стены. — Бумажные копии договоров, отчетов — все, что официально рассекретили после семьдесят пятого. Электронные базы чистили несколько раз, а вот бумагу забывают. Копайся.

Я кивнул, подошел к стеллажам. Папки, коробки, связки документов. Пыль толстым слоем. Никто сюда годами не заглядывал.

Начал... копать.

Сотни страниц документов. Договор о сотрудничестве, технические спецификации, графики поставок, финансовые отчеты. Я читал все подряд, пытался найти зацепки.

И нашел.

«Встреча назначена на 14 марта 2055 года, десять ноль-ноль по Гринвичу. Место: корабль "Арктур", геостационарная орбита над Атлантикой. Транспортировка представителя ООН доктора Джеймса Линча осуществляется шаттлом».

Я перечитал три раза. Записал на планшет.

Мне нужно остановить его до того, как он попадет на корабль.

Но как? Убить? Похитить? Предупредить?

Я откинулся на спинку кресла, потер переносицу. Думал.

Убить не вариант. Я не убийца. Да и если Линч сдохнет, его заменят кем-то другим. Договор все равно подпишут.

Похитить? Задержать? Может быть. Но ненадолго. Несколько дней максимум. Потом найдут, освободят, встреча состоится.

Предупредить? Рассказать, что кхаэлиане планируют вымирание человечества? Кто мне поверит? Я механик из Нео-Москвы, который утверждает, что путешествует во времени. Меня сразу отправят к психиатру.

Нет. Нужен был другой план.

Я снова уставился на бумаги. Читал документы дальше.

И тут меня осенило.

Встреча на корабле кхаэлиан. Линч один, без охраны — по их условиям. Корабль на орбите. Если что-то случится с самим кораблем — встреча сорвется автоматически.

Я вспомнил коридоры. Энергосистемы. Отсек J-7. Реакторы. Плазменные стержни в защитных колбах.

Если вывести из строя реакторы, корабль потеряет мощность. Системы жизнеобеспечения отключатся. Эвакуация. Линч вернется на Землю. Встреча не состоится.

А если встречи не будет — договор не подпишут. Или подпишут позже. Или с другими условиями.

Надо сорвать встречу четырнадцатого марта.

Я закрыл папку, аккуратно положил обратно на полку. Вышел из библиотеки.

Мне нужно было вернуться в 2055. Прямо сейчас.

Я снова стоял в подвале «Гравитона».

Спустился по ржавым ступеням, толкнул железную дверь. Коридор встретил привычной сыростью и запахом плесени. Прошел до конца, открыл вторую дверь.

Посреди комнаты по-прежнему висел портал. Мерцал, как всегда. Голубоватый свет плясал на облупившейся штукатурке. Та же дыра в воздухе, те же размытые края, та же темнота внутри с голубыми вспышками.

Я смотрел на него и пытался убедить себя, что это хорошая идея.

Не получалось.

Потому что я понятия не имел, что будет, если я сломаю реакторы.

Взорвется ли корабль?

Погибнут ли все, кто на борту?

Погибну ли я?

Портал переносил меня туда, в тело Жак-Та. А если корабль рванет, пока я там — что случится со мной? Вернусь ли я обратно? Или сдохну вместе с тем телом?

Я слотнул. Руки вспотели.

Но выбора не было.

Изменится ли это что-то в моем времени? Спасет ли хоть одну жизнь?

Не знаю.

Надо попробовать.
Я шагнул вперед и коснулся края портала.
Реальность исказилась до неузнаваемости.

Очнулся я в том же служебном коридоре «Арктура». В теле Жак-Та. Тошнота, головная боль, металлический привкус — все, как в прошлый раз. Я лежал на полу минуту, пока не пришел в себя.

Потом встал. Огляделся. Коридор пустой.

Хронометр на стене показывал 13 марта 2055 года. Двадцать три часа сорок минут. Я посмотрел на хронометр и вдруг понял: в прошлый раз, когда я впервые попал сюда, я метался по коридорам в панике, не обращал внимания ни на что. Но теперь я знаю время своего «прибытия»...

А что, если я всегда попадаю в одну и ту же точку?

Портал работает не просто как машина времени. Он как... якорь? Возвращает в один и тот же момент?

Двадцать три сорок, 13 марта 2055 год.

Нужно запомнить и проверить, если вдруг придется вернуться.

Я потер лицо руками. Попытался сообразить.

Допустим, если я каждый раз появляюсь в один и тот же момент, значит... значит, все изменения, которые я делал в прошлый переход, стираются? Обнуляются?

Я вспомнил первый раз: подслушал разговор Эйрен и других кхаэлиан, узнал про протокол «Зеро», вернулся в девяносто пятый. Ничего не менял тогда. Просто наблюдал.

А сейчас пришел снова — и попал в ту же самую точку времени. До того момента, как я что-то делал.

Что-то в этом есть.

Хотя... хрен его знает. Может, я просто гадаю. Может, все работает по-другому.

Единственный способ проверить — сделать что-то здесь и посмотреть, что изменится там.

Ладно. За работу.

Я пошел к инженерному блоку. Тело вело меня само — память Жак-Та подсказывала маршрут. Свернул налево, прошел по длинному коридору, спустился по лестнице. Добрался до отсека J-7.

Дверь открылась по биометрике. Я вошел.

Длинный зал. Стены из темного металла, потолок высокий. В центре — ряды терминалов, голографические панели управления. А дальше, за прозрачной перегородкой — реакторы. Огромные цилиндры, метров по десять в высоту, светящиеся изнутри голубым светом. Плазменные стержни в защитных колбах. Гудение низкое, вибрация под ногами.

Я подошел к ближайшему терминалу. Положил ладонь на сканер. Система распознала Жак-Та, интерфейс загрузился. Текст на языке кхаэлиан, но я его понимал.

«Энергосистема. Реакторы 1-12. Статус: активны. Мощность: 87%. Температура: норма. Защита: включена».

Я изучал панель. Искал способ вывести реакторы из строя. Отключить защиту? Перегрузить стержни? Создать аварию?

Копался минут десять. Потом наконец допер.

«Ручное управление защитными системами. Доступ: уровень инженера».

У Жак-Та был доступ.

Я открыл меню. Отключил автоматическую регулировку температуры на реакторе номер четыре. Выставил ручной режим. Начал повышать мощность.

87%... 90%... 95%...

Терминал пикнул. Красное предупреждение: «Превышение нормы. Рекомендуется снизить мощность».

Я проигнорировал. Продолжал поднимать.

98%... 100%... 102%...

Еще один сигнал: «Критический уровень. Автоматическое отключение через шестьдесят секунд».

Хрен тебе. Я заблокировал автоотключение. Продолжал поднимать.

105%... 107%...

Реактор начал гудеть громче. Вибрация усилилась. Я чувствовал ее уже всем телом.

110%...

Терминал завыл сиреной. Красные огни по всему залу. Голос системы: «Критическая перегрузка. Реактор номер четыре. Эвакуация персонала. Немедленная эвакуация».

Я еще раз поднял мощность до 112%, заблокировал панель паролем, который придумал на ходу, и побежал к выходу.

Дверь распахнулась, я выскочил в коридор. Сирены выли по всему кораблю. Красные огни мигали. Кхаэлиане бежали из отсеков, кто-то кричал команды.

Я свернул за угол, прижался к стене. Дышал тяжело. Сердце колотилось.

Получилось. Реактор перегружен. Сейчас рванет, и весь корабль встанет. Встреча сорвется.

Надо сваливать. Быстро.

Я развернулся и побежал к служебному коридору. Ноги путались — чужое тело, короче человеческого, координация сбита. Свернул за угол, еще один—

Из инженерного блока выбежал кхаэлианин. Я знал, что его зовут Ксал. Серая кожа покрыта испариной, глаза широко распахнуты. Он кричал что-то в коммуникатор, жестикулировал. Потом исчез за дверью обратно в J-7.

Я смотрел и не понимал. Почему не взорвалось?

Ждал еще минуту. Две. Пять.

Сирены затихли. Красные огни погасли. Гудение реакторов вернулось к обычному ритму.

Хронометр на стене показывал ноль часов двенадцать минут. Четырнадцатое марта. Провал. Полный, абсолютный провал.

Они устранили перегрузку. Корабль цел. Встреча состоится через несколько часов. Ничего не изменилось.

У меня внутри все сжалось. Руки дрожали. Хотелось ударить кулаком по стене, заорать, разнести все к чертям, но я стоял и пытался дышать ровно.

Из J-7 вышел тот самый инженер, который бежал чинить реактор. Кажется, его звали Ксал.

Его взгляд наткнулся на меня.

Я замер.

— Жак-Та, — сказал он.

Голос дрожал от злости. Глаза впелись в меня, изучающе, подозрительно.

Я сглотнул. Сердце колотилось так, что, казалось, он должен его слышать.

— Ты был в инженерном блоке перед аварией?

— Да, старший инженер. Проверял системы.

— И заметил что-то необычное?

— Нет, — соврал я. — Все было в норме.

Ксал смотрел на меня долго. Слишком долго.

— В любом случае, надо будет проверить последний вход.

Потом он развернулся и ушел.

Я выдохнул. Побрел к служебному коридору. Нашел портал. Шагнул внутрь.

Вернулся в 2095. В подвал «Гравитона». Лежал на полу, пока тошнота не прошла. Потом встал. Поднялся наверх. Вышел из бара на улицу.

И замер.

Небо было не оранжевым. Оно было красным. Грязно-красным, как ржавчина. Купол над городом мерцал слабее обычного, будто энергии не хватало. Граваеры летали хаотично, два столкнулись прямо над моей головой — упали вниз, грохнулись об асфальт. Никто не побежал помогать.

Я огляделся. Промзона дымила сильнее, чем раньше. Дым черный, густой. Рекламные голограммы мигали с помехами, картинка дергалась.

Достал телефон. Включил новости.

«Экстренный выпуск. Взрыв реактора номер семь в промзоне-4. Восемьдесят девять погибших, двести тридцать семь раненых. Причина — технический сбой. Расследование продолжается».

Я уставился в экран. Реактор номер семь. Восемьдесят девять погибших.

В прошлой версии реальности — той, которую я помнил до первого перехода — реактора номер семь не было. Я точно это помнил. Потому что работал в промзоне, чинил граваеры, знал все объекты поблизости.

Теперь реактор был. И он взорвался.

Я что-то изменил. Когда перегрузил систему на «Арктуре», волна прокатилась сюда. В 2095 год.

— Нет, — прошептал я. — Нет, нет, нет...

Я повернулся к бару.

Помещение выглядело по-другому. Вывеска была не синей, а зеленой. Окна грязнее. Я ворвался внутрь.

За стойкой стояла Линда. Та же короткая стрижка, тот же шрам на щеке. Но лицо старше. Усталее.

— Сон? — сказала она. — Ты чего такой бледный?

— Макс где? — спросил я.

— Макс? Какой Макс?

Внутри все оборвалось.

Я закрыл глаза, пытаюсь вспомнить фамилию друга. Память цеплялась за обрывки. **Чен.** Максим Чен. Его отец китаец, а мать из Восточной Европы. Мы познакомились в школе, когда мне было двенадцать.

Я помнил это четко. Так же четко, как помнил его лицо, смех, как он пил это свое дерьмовое пиво.

— Максим Чен, — сказал я. — Программист. Мой друг.

Линда нахмурилась.

— Не знаю такого. Ты не с той ноги встал?

Я не ответил. Развернулся, вышел.

Достал телефон. В контактах — пусто. Никакого Макса. Но я помнил его номер. Набирал сотни раз за последние годы, знал наизусть.

Набрал ручную, дрожащими пальцами.

«Абонент не существует».

Руки тряслись так, что я едва удержал телефон. Я набрал еще раз. Медленно, по цифре. Проверил дважды.

Тот же ответ.

Макса не было. В этой версии реальности он не существовал.

Я сидел на бордюре у бара и пытался сложить все в голове.

Портал возвращает меня в одну и ту же точку в прошлом. Каждый раз одно и то же.

Но когда я возвращаюсь в 2095, мир здесь меняется. В зависимости от того, что я сделал там.

Значит... каждый мой переход туда обнуляет предыдущие попытки? Я начинаю с чистого листа в прошлом, но изменения накапливаются в будущем?

Или нет. Может, каждый переход создает новую ветку реальности. Новую версию дальнейших событий. И я возвращаюсь не в ту же самую Нео-Москву, а в другую — где мои действия в прошлом уже сработали.

Хрен его знает. Кажется, вся эта псевдонаучная хрень слишком сложная для меня.

Я попытался спасти мир. Хотел остановить встречу. Сорвать протокол «Зеро».

Но сделал только хуже.

Реактор взорвался. Восемьдесят девять человек погибло. Макс исчез.

И договор все равно подписали. Я проверил в архивах — встреча состоялась четырнадцатого марта, Линч прилетел на «Арктур», протокол «Зеро» запущен.

Все зря.

Я сидел на бордюре и смеялся. Истерично, зло. Плевался в асфальт, чувствовал, как слезы текут по щекам.

Потому что понял: мне придется попробовать снова. И снова. И снова.

До тех пор, пока не получится.

Или пока я не сохну.

А как это сделать? Убить Линча? Саботировать корабль? Подделать документы?

Я не знал. Но знал одно: сидеть сложа руки и смотреть, как человечество медленно сдыхает — не вариант.

Глава 3. Попытка 2

Следующие три дня я провел в архивах.

На работу пришлось конкретно забить — позвонил начальнику, сказал, что подцепил какую-то заразу и не могу встать с постели. Тот обматерил меня на чем свет стоит и бросил трубку. Плевать. Сейчас были дела поважнее, чем чинить чужие граваеры.

Я изучал все, что мог найти о договоре 2055 года. Читал статьи, смотрел старые записи новостей, копался в рассекреченных документах ООН.

И кое-что наклевывалось.

После подписания договора кхаэлиане действительно передали людям несколько технологий: системы очистки атмосферы, медицинские препараты для лечения рака и вирусных заболеваний, более эффективные солнечные батареи. На первый взгляд все выглядело как щедрый дар развитой цивилизации отсталым дикарям.

Но были детали.

Ресурсные квоты. По договору кхаэлианам выделялись права на добычу редкоземельных металлов в Антарктиде, на глубоководную добычу минералов в Мировом океане, на доступ к урановым месторождениям в Сибири и Африке.

На бумаге это выглядело как справедливый обмен: кхаэлиане передают технологии — люди делятся ресурсами.

Только объемы этих квот росли каждые пять лет. Сначала незначительно. Потом аппетиты становились больше.

К 2070 году кхаэлиане контролировали треть всей мировой добычи редкоземельных металлов. К 2085 году — половину.

А еще были «консультанты». Кхаэлианские специалисты, которых ООН пригласила для помощи в освоении новых технологий. Они работали в правительствах, корпорациях, научных центрах. Чем они там занимались, не разглашалось, но уверен, ничем хорошим.

И самое странное: несмотря на все эти технологии, экология Земли продолжала деградировать.

Системы очистки атмосферы работали, но недостаточно эффективно. Новые источники энергии внедрялись, но слишком медленно. Медицинские препараты лечили одни болезни, но появлялись новые, более агрессивные штаммы вирусов и патологии.

Будто кто-то подкручивал гайки ровно настолько, чтобы человечество балансировало на грани — не вымирало сразу, но и не восстанавливалось.

Протокол «Зеро».

Опять он.

Я нашел упоминание в одном из рассекреченных отчетов ООН за 2061 год. Внутренняя переписка, которую рассекретили только через двадцать лет.

Письмо генерального секретаря ООН Марии Кастильо кхаэлианскому послу на Земле.
Дата: 2061 год.

«...обеспокоены темпами сокращения населения. За шесть лет после активации протокола "Зеро" потеряли 800 миллионов человек. Эпидемии, войны, экологические катастрофы множатся быстрее прогнозируемого. Просим пересмотреть параметры протокола...»

Ответ пришел через неделю. Короткий, сухой.

«Протокол "Зеро" функционирует согласно утвержденным параметрам. Корректировки не требуется. Текущие показатели соответствуют расчетам. Система автономна, вмешательство извне невозможно».

Я перечитал несколько раз. Система автономна. Вмешательство невозможно.

Значит, даже кхаэлиане не могли остановить протокол после запуска? Или вралли?

Я закрыл файлы. Откинулся на спинку кресла.

Понял одно.

Главная проблема — сам протокол «Зеро». Машина, которая медленно убивает человечество уже сорок лет.

Но где она? Это нечто физическое? Как работает? Можно ли ее вообще остановить?

Ответов в открытых архивах не было. Только намеки. Упоминания. Обрывки фраз.

«Система автономна».

«Физическое ядро недоступно».

«Корректировка параметров возможна только через прямой доступ».

Прямой доступ.

Значит, все же можно добраться до этой штуки физически?

Надо будет проверить все возможные способы по исправлению ситуации, доступные мне на сегодняшний день.

Я посмотрел на часы на стене. Второй час ночи.

Три дня без нормального сна. Глаза слипались, а голова невыносимо гудела. Но я не мог остановиться.

Потому что понял: если хочу что-то изменить, мне нужно узнать больше. Намного больше.

И единственный источник информации — корабль «Арктур». Кхаэлиане. Их базы данных.

Нужно было возвращаться в 2055.

Не только чтобы остановить встречу.

Чтобы узнать правду.

На следующее утро я спустился в подвал «Гравитона». Рано утром, пока Линда еще не открыла бар. Дверь в подвал была не заперта: она никогда не запиралась, кому нужен этот хлам внизу? А ключи от самого бара у меня были. Посчастливилось получить комплект, когда помогал с ремонтом. Вот уж не думал, что они мне когда-то всерьез пригодятся.

Прошел по знакомому маршруту. Портал был на месте, как и до этого. Саботаж энергоблока не сработал. Они просто перенесли встречу на день позже.

Последние дни я только и делал, что перебирал хоть какие-то варианты. Мне нужно было все изменить.

И я придумал план.

Линч.

Доктор Джеймс Линч, 55 лет, специальный представитель Генерального секретаря ООН по контактам с внеземными цивилизациями. Он не только подписывал договор — он был его архитектором. Три года переговоров, сотни встреч, согласование каждого пункта. Линч знал кхаэлиан лучше, чем кто-либо на Земле. Доверял им. Верил, что технологический обмен спасет человечество.

Если Линч погибнет до встречи — его заменят. Но не сразу. На назначение нового представителя уйдет время. Неделя минимум. А за неделю может измениться политическая обстановка, могут появиться возражения, кто-то может раскопать правду.

Задержка в один день ничего не дала. Но если Линч вообще не появится на «Арктуре»... если он умрет до того, как шаттл состыкуется с кораблем...

Я сжал кулаки. Руки тряслись.

Убить человека.

Я никогда никого не убивал. Даже в школьных драках старался не калечить. Один раз поставил парню фингал — потом неделю не мог спать, чувствовал себя мудаком. Я ж механик, блядь, а не киллер. Я чиню вещи, не ломаю их. Тем более людей.

Но сейчас на кону не один человек. На кону человечество. Шесть миллиардов выживших против одного.

Математика простая.

Только вот логика не помогала унять дрожь в руках.

Я представил Линча. По фотографиям из архивов знал, как он выглядит: седые волосы, дорогой костюм, уверенная походка. Лицо политика — улыбка не доходит до глаз, но располагает к себе. У него была жена. Две дочери. Я видел семейное фото в одном из интервью.

Я убью этого человека. И его семья будет горевать.

Но если я не убью его — умрут миллиарды. Включая его собственных детей. Его внуков, которые еще не родились. Они просто медленно будут сдыхать от загрязнения, болезней, голода — и даже не поймут, что все началось с решения их деда подписать один гребаный договор.

Я спасу семью Линча, убив его самого.

Ирония, блядь.

Я затушил сигаретой прямо в подвале в последний раз, затушил окурком о стену и шагнул в портал.

Гравитация почти вывернула меня наизнанку. Желудок подкатил к горлу. Белые вспышки мельтешили перед глазами.

Тьма.

Третий переход за неделю. Тошнота накатила волной, я перевернулся на бок, и меня вырвало. Лежал на полу минуты две, пока не попустило.

Встал, держась за стену. Ноги подкашивались. Добрался до ближайшего хронометра.

Тринадцатое марта пятьдесят пятого года. Двадцать три часа сорок минут.

Та же самая точка. Снова. Я прошел по коридору к каюте Жак-Та. Серые стены, биолюминесцентные полосы, гудение двигателей.

Зашел внутрь. Крохотная комната с узкой койкой и терминалом, больше ничего. Сел за терминал. Биометрический сканер считал отпечатки пальцев Жак-Та. Экран загорелся.

Начал искать информацию о прибытии представителя ООН.

Копался минут двадцать — файлы разбросаны по разным папкам, часть под грифом, приходилось обходить блокировки доступа. Жак-Та не допущен к секретным данным, но некоторые технические файлы были открыты.

Наконец нашел. Документ с грифом «Официальный визит — высокий приоритет». График, протокол безопасности, технические характеристики шаттла.

Джеймс Линч, доктор политических наук, специальный представитель Генерального секретаря ООН.

Летит в сопровождении пилота. Без охраны, без помощников — по условиям кхаэлиан. Нейтральная встреча, минимум присутствия.

Пилот — капитан Роберт Чжан. Шаттл UN-447.

Линч на борту. Ничего не подозревает. Наверняка мнит себя спасителем человечества.

Не знает, что собирается подписать смертный приговор.

И не узнает. Потому что я его убью.

Я закрыл файл. Полез в базу данных корабля, искал систему управления стыковкой.

Нашел за десять минут. Отсек К-3, управление доком «Альфа». Автоматическая система наведения, гравитационные захваты, биосканеры, протоколы безопасности.

Читал технические спецификации и понимал: если отключить системы безопасности во время стыковки, шаттл врежется в док на полной скорости. Взрыв. Разгерметизация. Мгновенная смерть.

Два человека. Линч и пилот.

Я сохранил схему системы, запомнил последовательность действий, закрыл все файлы и вышел из каюты.

Нужно было добраться до отсека К-3 и сделать то, что я планировал.

Убить двоих.

Линча — который подпишет договор и запустит протокол.

И пилота, который просто делает свою работу. Которого, может, ждет дома жена. Дети.

Я сжал кулаки и пошел по коридору, дошел до развилки. Налево — служебный отсек, где находился портал обратно. Направо — инженерный блок, отсек К-3.

На мгновение остановился и посмотрел налево.

Мог вернуться прямо сейчас. Ничего не менять. Вернуться в 2095-й, в ту версию реальности, где небо оранжевое, а Макс жив.

Или пойти направо. Убить двух человек. Вернуться в новую версию 2095-го — какую? Лучше? Хуже?

Я не знал.

Знал только одно: не проверю — не узнаю. Протокол «Зеро» медленно и планомерно убивал планету.

А я могу это остановить. Наверное.

Цена — две жизни.

Я повернул направо.

Отсек К-3 находился в инженерном блоке на втором уровне корабля. Небольшое помещение, метров пять на пять. Два терминала управления, голографическая схема дока «Альфа» на стене, несколько панелей с индикаторами.

Никого внутри. Ночная смена, большинство кхаэлиан спали. Только автоматика работала — гудела тихо, мигала зелеными огнями.

Я подошел к первому терминалу. Положил ладонь на биосканер. Доступ разрешен.

Экран загорелся. Схема дока. Зеленые линии — все системы в норме. Таймер в углу: до прибытия UN-447 осталось не так уж много.

Я нашел раздел «Протоколы стыковки».

Автоматическая корректировка траектории — включена.

Система предотвращения столкновений — включена.

Аварийное отклонение при обнаружении аномалий — включена.

Гравитационные захваты — режим «мягкий захват», скорость сближения 1 км/ч.

Все настроено так, чтобы стыковка прошла безопасно. Даже если пилот ошибется, даже если что-то пойдет не так — автоматика подстрахует.

Мне нужно было сломать эту автоматику.

Я открыл меню ручного управления. Начал менять параметры.

Автоматическая корректировка траектории — отключена.

Пальцы зависли над экраном. Я смотрел на светящийся символ и не мог нажать «подтвердить».

Если я отключу это, шаттл пойдет по неправильной траектории. Пилот не успеет скорректировать вручную. Удар.

Я представил, как это будет. Шаттл приближается к доку. Капитан Чжан в кресле пилота, смотрит на приборы, доверяет автоматике. Линч позади него, смотрит в иллюминатор, видит «Арктур» — огромный, величественный. Думает о договоре, который через час подпишет.

Не знает, что через десять секунд умрет.

Удар. Пробой корпуса. Разгерметизация. Воздух вырывается из легких. Вакуум. Смерть за три-четыре секунды.

Может, они даже не успеют понять, что произошло.

Я сжал зубы. Нажал «подтвердить».

Автоматическая корректировка траектории — отключена.

Дальше.

Система предотвращения столкновений — отключена.

Аварийное торможение при критическом сближении — **отключено**.

Гравитационные захваты — **отключены**.

Автоматическая коррекция траектории — **отключена**.

Этого хватит. Шаттл войдет на полной скорости, без торможения, без коррекции. Врежется в док. Взрыв. Разгерметизация.

Я сохранил изменения. Заблокировал панель паролем, который придумал на ходу — комбинация цифр, которую никто не подберет за двенадцать часов.

Все.

Линч мертв. И его пилот тоже.

И это ляжет на мои плечи.

Я закрыл терминал. Встал. Ноги тряслись. Руки тоже. Я уперся ладонями в стену, дышал тяжело, пытался взять себя в руки.

Вышел из отсека К-3. Шел по коридору обратно к служебному отсеку и пытался не думать о том, что сделал.

Не получалось.

Я дошел до служебного коридора. Нашел портал.

Стоял перед ним минуты три. Не мог заставить себя шагнуть внутрь.

В голове крутилась одна мысль: я убил двух людей. Этого еще не произошло, но стоит мне перешагнуть портал — и все.

Я закрыл глаза. Глубокий вдох.

Две жизни за шесть миллиардов.

По классике открыл глаза будучи на полу подвала «Гравитона». Лежал минут пять, не мог пошевелиться. Почему нельзя было придумать портал без таких побочных?..

Кое-как поднялся на первый этаж, держась за стенку.

Бар все еще был закрыт. Раннее утро, часов пять-шесть, Линда еще не пришла. Я вышел на улицу.

И замер.

Небо опять было другим.

Не оранжевым, каким я помнил его до первой попытки. Не грязно-красным, каким оно стало после саботажа энергоблока.

Серым. Грязно-серым, как старый бетон, покрытый копотью. Но не кровавым. Не таким безнадежным.

Купол над городом мерцал ровно, без перебоев. Гравитоны летали по воздушным коридорам, не сталкиваясь. Промзона дымила на горизонте, но дым был светлее, чем я помнил.

Я огляделся. Рекламные голограммы работали стабильно. Люди шли по улицам — немного, рано еще.

Лучше. Определенно лучше, чем красное небо и столкновения гравитонов.

Достал телефон. Включил новости.

Первый заголовок: «40 лет со дня трагедии: память о погибших в космической катастрофе».

Я открыл статью. Руки тряслись, едва удерживал телефон.

«14 марта 2055 года при попытке стыковки с кхаэлианским крейсером "Арктур" потерпел катастрофу шаттл UN-447 с доктором Джеймсом Линчем. Единственный пассажир и пилот погибли мгновенно при столкновении шаттла с доком. Причина трагедии — технический сбой систем стыковки на борту "Арктура". Расследование длилось три года, конкретных виновных не нашли, инцидент признан несчастным случаем.

Гибель делегации отложила подписание договора о технологическом сотрудничестве с кхаэлианами на два месяца. В мае 2055 года новый специальный представитель ООН Маргарет Чен успешно завершила переговоры и подписала исторический договор, открывший эру сотрудничества между человечеством и расой кхаэлиан...»

Я уставился в экран.

Май 2055 года.

Два месяца задержки.

Но договор все равно подписали.

Протокол «Зеро» все равно запущен.

Я убил их зря.

Ничего не изменилось.

Нет. Что-то изменилось. Небо серое, а не оранжево-красное. Воздух... чуть чище? Или мне кажется?

Я пролистал новости на телефоне. Искал что-то конкретное, но не знал, что именно. Признаки. Отличия. Доказательства, что я хоть что-то поменял.

Население Земли: 6,2 миллиарда.

Было шесть миллиардов в прошлой версии. Двести миллионов разницы.

Лучше?

Я не знал. Может, это просто статистическая погрешность. Может, это вообще никак не связано с тем, что я сделал.

Закрыл новости. Набрал номер Макса.

Гудки. Три. Четыре.

— Алло? — Макс! Сонный и раздраженный, но живой! — Ваня, ты совсем долбанулся? Который час?

Я выдохнул. Закрыл глаза. Макс жив.

— Прости, что разбудил. Просто... сегодня такой классный день, а ты дрыхнешь.

Пауза.

— Бля, Ваня, ты пьяный?

— Нет. Трезвый. Просто... занят сегодня? Давай встретимся?

— Ты странный какой-то. Все нормально?

— Да. Все... все нормально.

Повесил трубку.

Макс жив. В этой версии реальности он жив.

И это ничего не изменило. Договор все равно подписали.

Я сел на бордюр у бара. Положил голову на руки. Смотрел на асфальт и пытался понять, что делать дальше.

Две попытки. Два провала.

Оба раза мои действия приводили к чьей-то смерти, но ни разу к отмене сотрудничества.

Каждый раз мир менялся — то хуже, то лучше, но не кардинально.

Может, его вообще нельзя остановить?

Я встал. Пошел вдоль улицы. Небо светлело — рассвет, серое солнце пробивалось сквозь смог. Город просыпался. Граваеры летали чаще. Люди выходили из домов, шли на работу.

Обычная жизнь. Медленно умирающая, но все еще.

Я остановился возле голографического экрана с новостями. Смотрел на бегущую строку.

«...население Земли стабилизировалось на уровне 6,1 миллиарда... прогнозы ООН: при текущих темпах внедрения кхаэлианских технологий экологическая обстановка улучшится к 2110 году...»

Ложь. Я знал, что это ложь.

Но как это доказать? Как это остановить?

Нужен другой подход. Не задержка договора. Не убийство людей.

Нужно бить по самому протоколу. Понять, что это такое. Где находится. Как работает.

Должно же быть физическое ядро. Сервер. Центр управления.

На «Арктуре»? На Земле? В другом месте?

Я не знал. Но надо было выяснить.

Вернуться в 2055 и попробовать поискать информацию получше. Покопаться в базах данных. Найти, где находится ядро протокола.

А потом уничтожить его.

На этот раз не людей, а машину. Я бродил по Промзоне часа два, может, больше. Ноги сами несли — мимо закрытых мастерских, мимо заправки, где спал за стойкой дежурный, мимо граффити на стене: «Волны не остановить». Небо над куполом медленно светлело, приобретая тот самый больной оранжевый оттенок, который я видел каждое утро.

Голова гудела. Мысли ворочались, как ржавые шестерни, — медленно, со скрипом, но не останавливались.

В итоге я направился домой. Брел по тротуару, не особо следя за маршрутом, и неожиданно для себя оказался у «Гравитона».

Линда как раз открывала — поднимала металлическую решетку, включала свет внутри. Я остановился, удивленно уставившись на нее.

Бары не открываются в семь утра. Обычно — после обеда, часов в четырнадцать-пятнадцать.

— Линда? — окликнул я ее. — Ты чего так рано?

Она обернулась, увидела меня и усмехнулась.

— Сон! Ты-то откуда в такую рань? Бессонница?

— Типа того, — кивнул я, подходя ближе. — Но серьезно. Что-то случилось?

Линда вздохнула, закончила поднимать решетку и вытерла руки о джинсы.

— Инспекция сегодня, — пояснила она. — Пришла проверка на лицензию. Нужно подтвердить, что все по правилам: санитарные нормы, пожарная безопасность, все такое. Они приходят в девять, так что я решила подготовиться заранее. Помыть полы, протереть стойку, чтоб не доебались.

Она посмотрела на меня внимательнее, нахмурилась.

— А ты, Сон, выглядишь хреново. Совсем не спал?

— Не особо, — признался я.

— Ладно, — махнула она рукой. — Заходи. Поможешь мне столы протереть, заодно и отвлечешься. А я тебе кофе сварю. Нормальный, не эту дрянь из автомата.

Я усмехнулся.

— Можно зайти?

— Уже пригласила, дурень, — фыркнула Линда и скрылась внутри бара. — Кофе будешь?

Я последовал за ней.

— Буду.

Зашел внутрь. Сел за барную стойку. Линда включила кофемашину — старую, еще с двадцатых годов, гудела как древний двигатель, но кофе варила отличный.

— Ты какой-то бледный, — сказала она, разглядывая меня. — Точно все нормально?

— Нормально, — соврал я. — Просто работы много. Не высыпаюсь.

Она налила кофе в кружку, поставила передо мной.

— Пей. И иди спать, Сон. А то свалишься скоро.

— Спасибо.

План формировался в голове медленно, по частям.

Попытка номер три. Вернуться в 2055. Не саботировать встречу. Дать ей состояться. Но пока Линч с Эйрен подписывают договор — я буду копаться в базах данных «Арктура». Искать упоминания протокола «Зеро». Координаты. Местоположение ядра.

А потом, вернувшись в 2095, я туда поеду. И уничтожу.

Не людей. Систему.

Допил кофе. Встал.

— Сколько с меня?

— Да ладно, — отмахнулась Линда. — С тебя в следующий раз. Иди уже, отдыхай.

Я кивнул. Вышел из бара.

Небо было серым. Солнце поднималось выше, но свет оставался тусклым, пробиваясь сквозь смог.

Мир продолжал медленно умирать.

Но у меня был портал. И план.

Попытка номер три впереди.

На этот раз я не буду убивать людей. На этот раз я найду настоящую причину. И уничтожу ее.

Хоть бы получилось.

Глава 4. Охота за данными

Следующие два дня я провел дома, пытаясь прийти в себя после второго перехода. Спать стало совсем тяжело. Снились какие-то мутные кошмары, где я снова и снова убивал Линча, только каждый раз по-разному, и каждый раз все заканчивалось хуже предыдущего. Просыпался в холодном поту, с колотящимся сердцем и мыслью, что я полное дерьмо.

После очередного такого кошмара я подскочил, выругался, а потом пошел в ванную, чтобы умыться. Посмотрел в зеркало и увидел там незнакомого мужика. Темные круги под глазами стали еще глубже, кожа приобрела какой-то нездоровый серый оттенок, а на висках появилась седина. Мне двадцать восемь, блядь, а выгляжу я лет на сорок пять. Провел рукой по волосам и заметил, что седых волосков больше, чем вчера. Или мне показалось? Хрен его знает.

Взвесился. Минус шесть килограммов за неделю. Я и так был худым, а теперь ребра торчали, будто я месяц сидел на воде и воздухе.

— Да что же это такое? — пробормотал я и отошел от зеркала.

Переходы высасывали из меня жизнь. Буквально. Каждый раз переход истощал меня. А вдруг еще несколько переходов и от меня останется высохшая мумия с провалами в памяти вместо мозгов?

Но я сам для себя решил, что выбора у меня не было. Герой хренов.

Я сварил кофе — настоящий, зерновой, последние запасы, которые хранил для особых случаев, — и сел за стол с планшетом. Открыл заметки, которые сделал в библиотеке. Перечитал все, что узнал о протоколе «Зеро».

Вопрос продолжал висеть в воздухе — как же найти чертов физический доступ к его ядру?

Ответ простой — вообще «ни хрена не простой» — вернуться в 2055 на «Арктур» и покопаться в их базах данных. У Жак-Та был доступ к техническим файлам, пусть и ограниченный. Но я уже научился обходить некоторые блокировки. Может, получится найти что-то более секретное?

А если не получится — ну что ж, я попробую взломать защиту посерьезнее. Рискованно? Да. Опасно? Безусловно. Но что я теряю?

Я допил кофе, оделся и снова полетел в библиотеку. Мне нужны были любые зацепки: упоминания протокола в рассекреченных документах, технические термины, названия систем. Все, что могло помочь мне ориентироваться в базах данных кхаэлиан.

Провел там весь день. Читал отчеты, переписку, технические спецификации. Выписывал термины, которые встречались чаще всего. «Координационный центр». «Квантовый канал связи». «Система автономного управления». «Физическое ядро на планете». Собрал целый список ключевых слов, которые мог использовать для поиска.

К вечеру вернулся домой с полным планшетом заметок и ощущением, что я хоть немного подготовлен. Поужинал синт-едой из пакета — вкус дерьма, но быстро и сытно, — принял душ и лег спать.

Заснул удивительно быстро, несмотря на то, что сердце колотилось от предвкушения и страха одновременно.

Утром я проснулся с четкой готовностью к будущей миссии.

План казался простым. На практике, конечно, все будет сложнее и опаснее, но какого хрена мне теперь бояться? Я уже трижды был на корабле кхаэлиан, трижды возвращался живым. В четвертый раз тоже получится. К тому же, на этот раз никого убивать не придется, даже наоборот, кое-кого удастся вернуть к жизни. Уж извини, Джеймс, надеюсь, ты отдохнул.

Я оделся, проверил карманы: блокнот, ручка, нож складной, который валялся в ящике стола. Зачем мне нож? Хрен его знает. Но чувствовал, что лучше взять. На всякий случай.

Вышел из квартиры, спустился. На улице уже рассвело — небо в этой реальности серое, купол над городом мерцал ровным светом, гравееры летали по своим маршрутам. Город просыпался, люди шли на работу, все, как обычно.

Я сел в свой гравеер, завел двигатель и полетел в сторону бара «Гравитон». По дороге думал о том, что, если все получится, если я найду ядро протокола и уничтожу его — что тогда? Попаду я в мир, где небо голубое и человечество не вымирает? Или наоборот, окажусь в каком-то другом, еще более искаженном?

Не знаю. Не могу знать, пока не попробую.

Гравеер мягко приземлился у бара. Я огляделся. Улица пустая, бар еще закрыт. Достал ключи, открыл дверь, зашел внутрь. Запах пива, жареного лука, старого дерева — привычный, почти родной. Спустился в подвал, прошел по знакомому маршруту. Семнадцать ступеней вниз, железная дверь, коридор за ней, еще одна дверь.

Портал висел на месте и призывно мерцал голубоватым светом, гаденыш. Я остановился перед ним, глубоко вдохнул для храбрости. Протянул руку и коснулся края портала.

Белые вспышки замелькали перед глазами, потом наступила темнота, затем снова вспышки, и все это крутилось, растягивалось, сжималось в какую-то невозможную спираль. Я брезгливо сморщился. Была и хорошая новость — понемногу я стал привыкать к этим омерзительным ощущениям.

Длилась эта херня секунд пятнадцать. Может, двадцать. Казалось, вечность.

Потом, по классике, меня выплюнуло на пол.

Полежал немного, мысленно жалея себя и свой желудок. Дышать было больно — ребра ныли, будто меня хорошенько отфигачили палкой. Тошнота накатывала волнами, но даже блевать было лень. Да и хрен с ним, все равно пройдет. Так уже бывало.

— Ебанный в рот, — прохрипел я.

Поднялся с трудом, огляделся по сторонам, и меня накрыл животный страх. Провал в памяти — на секунду я не мог вспомнить, где нахожусь и зачем пришел. Потом память вернулась, но осталось неприятное ощущение, будто кто-то выдрал из моей головы несколько страниц.

Хронометр на стене служебного коридора показывал двадцать три часа сорок минут. 13 марта 2055 года.

Та же точка. Снова. Ура.

Портал работал как якорь — всегда возвращал меня в один и тот же момент. Это было хорошо. Значит, я мог экспериментировать, возвращаться, пробовать снова, и каждый раз начинать с одной и той же отправной точки. Но это и плохо — каждый раз я застревал в этом моменте, не мог сдвинуться ни на день назад. Да и запас моих сил явно не безграничен.

Ладно. Не время думать о механике портала и своей человеческой ничтожности. Хватит время тратить на пустяки.

Я пошел к каюте Жак-Та. Коридоры корабля встретили привычным гудением двигателей, биолюминесцентным светом, вибрацией под ногами. Кхаэлиане попадались редко — ночная смена, большинство спали. Те, кто встречался, не обращали на меня внимания. Жак-Та — мелкий инженер, низкого ранга, невидимка.

Дошел до каюты, зашел внутрь. Крохотная комната — койка, терминал, шкаф. Сел за терминал, положил ладонь на биосканер. Система распознала Жак-Та, интерфейс загрузился.

Начал искать.

Первый запрос — «протокол Зеро». Результаты: несколько десятков документов. Большинство общих, технических, без подробностей. Открыл несколько — графики встречи, условия договора, списки поставок технологий. Ничего нового.

Второй запрос — «физическое ядро Зеро». Доступ запрещен.

Третий запрос — «координационный центр Зеро». Доступ запрещен.

Четвертый запрос — «система автономного управления». Частичный доступ. Открыл файл — техническая документация, схемы, но ничего конкретного о местоположении.

Я потер глаза. Думал. Мне нужен доступ к секретным файлам. У Жак-Та уровень первый. Секретные файлы требуют третьего или выше.

Как получить доступ?

Взломать? Рискованно. Система безопасности может поднять тревогу. Да и откуда мне знать, как взламывать интерфейсы инопланетян?

Использовать чужой логин? Но где его взять?

Внезапно память Жак-Та подкинула мне нефиговый такой подгон. Понятия не имел, как это работает, но обрывки сознания этого серого человечка всплывают в башке хаотично, но очень кстати. Короче, где-то на корабле есть служебный вход для аварийной диагностики. Может, в базах данных есть что-то подобное?

Полез в настройки терминала. Искал служебные функции. Нашел раздел «Техническое обслуживание». Попробовал войти — система запросила пароль.

Черт.

Подумал пару минут и вспомнил, что Ксал — старший инженер — параноик, постоянно проверяет системы, делает записи. Если у кого и есть пароли для служебного доступа, то у него.

Но как получить его пароль?

Подслушать? Подсмотреть? Взломать его терминал?

Я закрыл терминал, встал. Нужно было идти в инженерный блок, к отсеку J-7, где обычно работал Ксал. Может, найду что-нибудь полезное.

Вышел из каюты, пошел по коридорам. Свернул налево, спустился по лестнице на нижний уровень. Добрался до инженерного блока. Дверь в J-7 была закрыта, но не заблокирована. Приложил ладонь к биосканеру, дверь открылась.

Зашел внутрь.

Длинный зал, ряды терминалов, реакторы за прозрачной перегородкой. Гудение, вибрация, голубое свечение плазменных стержней. Никого. Ночная смена, дежурный персонал на других объектах.

На столе возле терминала заметил голографический планшет Ксала. Я поднял его, включил. Экран загорелся, но сразу запросил авторизацию. Черт. Биометрия, конечно.

Положил планшет обратно. Оглядел стол — никаких бумажных записей, ничего полезного. Открыл ящики стола — запчасти, инструменты, какие-то кабели. В нижнем ящике нашел старый портативный накопитель данных. Достал, покрутил в руках. Может, там что-то есть?

Подключил к терминалу. Устройство загрузилось, но файлы зашифрованы. Открыл первый — запрос пароля. Попробовал стандартные комбинации — не подошли.

Хрен.

Я сел на стул, закрыл глаза, попытался сосредоточиться. Думал. Ксал параноик, помешан на безопасности. Что он мог использовать как пароль? Дата? Имя? Технический термин?

Попробовал мыслить, как чертов Ксал, но он же инопланетянин! Ну что там может быть? Что-то связанное с протоколом?

Ввел: «Зеро-активация».

Система явно решила меня добить долгой загрузкой.

Доступ запрещен. Неверный пароль.

Твою мать, ну естественно.

Я потер переносицу. Голова раскалывалась от боли и усталости. Может, я вообще не там ищу?

Нужен другой подход.

Я встал, прошелся по залу, чтобы лучше думалось. Вспомнил — в первый переход я подслушал разговор между кхаэлианами в той овальной комнате. Они обсуждали протокол, встречу, Линча. Один из них вроде говорил что-то о том, что у Эйрен есть доступ ко многим данным.

Эйрен.

У капитана Эйрен должны быть полезные данные, уж точно. Надо поискать у нее.

Мне нужно попасть в ее каюту и попытать удачу там.

Это самоубийство. Кюта капитана — запретная зона. Охрана, биометрия, камеры наблюдения. Если меня поймают — все, мне конец.

Но выбора нет.

Я вышел из J-7, пошел обратно к лифтам. Нужно было добраться до верхнего уровня, где находилась каюта Эйрен. Уровень А, мостик корабля.

Подошел к лифту, нажал кнопку вызова. Лифт приехал, я зашел внутрь. Голографическая панель: «Выберите уровень».

Выбрал «Уровень А — Мостик».

Система: «Доступ на уровень А ограничен. Требуется авторизация уровня пять и выше. У вас уровень один. Доступ запрещен».

Блядь. Даже гребанный лифт против меня.

Как еще попасть наверх? Служебная лестница? Вентиляция?

Кажется, я видел служебную лестницу для техперсонала. Она ведет на все уровни, для аварийной эвакуации. Там тоже может быть контроль доступа, но попробовать стоит.

Лестница нашлась быстро. Спасибо голове Жак-Та. Узкий проход, металлические ступени, стены темные. Начал подниматься. Один уровень, второй, третий. На каждом уровне — дверь с биосканером. Попробовал открыть дверь на уровень А — доступ запрещен.

Но рядом с дверью заметил аварийный выход — для эвакуации при пожаре или разгерметизации. Без биосканера, только механический замок. Обычно такие открываются ключом, но искать его сейчас было некогда — хрен знает, где Ксал его хранит, да и рыться в его вещах я не мог, не вызвав подозрений.

Навалился плечом. Металл скрипнул. Еще раз. Дверь поддалась, открылась с противным скрежетом.

Я замер, прислушался. Тишина. Никто не услышал.

Осторожно выглянул в коридор уровня А. Широкий, высокие потолки, стены отделаны каким-то темным материалом, который блестел в свете биолюминесцентных полос. Освещение ярче, чем на нижних уровнях. Роскошно, по меркам корабля.

Коридор пустой. Вдалеке слышались голоса — кто-то разговаривал.

Я вышел из аварийного прохода, закрыл дверь за собой. Пошел вдоль стены, стараясь двигаться бесшумно. Сердце колотилось так, что я слышал пульс в ушах.

Увидел указатель на стене: «Кюта капитана — А-12». Стрелка направо.

Кюта А-12 была в конце коридора. Дверь массивная, темная, с серебристым знаком различия капитана. Биосканер слева от двери.

Я остановился в десяти метрах, огляделся. Прятаться здесь негде — коридор открытый, стены гладкие. Если кто-то пройдет мимо, меня сразу заметят.

Нужно было действовать быстро.

Эйрен вроде должна быть на мостике — я видел ее там минут двадцать назад, когда проходил мимо. Ночная вахта.

У меня был, может, час. Может, меньше. Зависело от того, когда она решит вернуться.

Как взломать биосканер? Обмануть систему?

Может, есть аварийный вход в кюту капитана? Для технического обслуживания?

Осмотрел дверь. Сбоку, почти незаметно — маленькая панель. Техническая панель доступа. Конечно! Молодцы, кхаэлиане! Открыл ее. Внутри оказался ручной ввод кода.

Попробовал стандартные коды для аварийного доступа, которые подсовывала память Жак-Та. Не подошли.

Сука.

Я стоял перед дверью и чувствовал, как время утекает. Кто-нибудь может меня здесь обнаружить. Нужно было попасть в каюту, найти информацию и выбраться незамеченным.

Но дверь не открывалась.

Может, попробовать взломать замок физически? Ножом, который я взял с собой?

Достал нож, раскрыл лезвие. Попытался поддеть панель ручного ввода. Только металл поцарапал, панель не поддавалась.

— Хрен там плавал, — прошептал я и убрал нож в карман.

Услышал шаги в конце коридора.

Только не это!

Шаги приближались.

Я быстро огляделся, но, увы, никаких ниш, где я мог бы спрятаться за время, что я возился с панелью, не появилось. Суки вы, кхаэлиане!

Побежал дальше по коридору, в противоположную от шагов сторону. Да! Техническая ниша в стене. Для обслуживания систем. Узкая, метр на полметра, но лучше, чем ничего.

Я юркнул в нишу, втиснулся между трубами и панелями и попытался сделаться незаметным.

Шаги стали громче.

Мимо ниши прошел кхаэлианин в форме офицера безопасности. Он смотрел в планшет, что-то читал, не поднимая головы.

Я задержал дыхание.

Офицер прошел мимо, свернул за угол. Шаги затихли.

Я выдохнул. Руки тряслись. Вылез из ниши, огляделся — коридор пуст.

Нужно было уходить. Слишком опасно торчать здесь.

Но тут из-за угла донесся голос Эйрен — она говорила по внутренней связи, видимо, с тем самым офицером безопасности:

— Шаттл UN-447 прибудет через девять часов. Убедись, что системы стыковки работают без сбоев. Проверь дважды.

Голос офицера, приглушенный расстоянием:

— Понял, капитан.

Пауза. Потом снова шаги — удаляющиеся, в сторону мостика.

Я замер, прислушиваясь. Шаги затихли совсем. Эйрен ушла.

А дверь каюты А-12 все еще была открыта — она, видимо, вышла оттуда только что, чтобы дать приказ, и не успела закрыть.

Я подождал еще несколько секунд, потом осторожно выглянул из-за угла. Коридор пуст. Дверь каюты медленно закрывается — автоматика.

Рванул туда на всех парах.

Метров пять до двери. Четыре. Три.

Еще немного!

Я нырнул вперед, проскользнул в щель за мгновение до того, как створки сомкнулись.

Оказался в каюте Эйрен.

Мда уж. Повезло так повезло.

Потребовалась пара минут, чтобы прийти в себя после взлета адреналина. Я стоял у двери, тяжело дыша, и пытался успокоить бешено колотящееся сердце.

Огляделся.

У капитана большая комната, по меркам корабля. В центре — стол с голографическими проекциями: карта Земли, схемы, графики. У стены — личный терминал. Полки с артефактами — камни, кристаллы, что-то еще, непонятное.

Подошел к терминалу. Пробовать биосканер не было смысла — он настроен только на Эйрен, и никакие коды Жак-Та тут не помогут. Нужно было искать что-то другое.

Я начал осматривать каюту, стараясь не оставлять следов. На полке у стены нашелся небольшой артефакт. Камень или кристалл, темный, с голубыми прожилками. Рядом — выгравированная надпись на языке кхаэлиан.

Подошел, прочитал: «Тхал-кхаэрис».

В переводе: «Дом-звезда». Название родной планеты кхаэлиан.

Вернулся к терминалу. Попробовал ввести «Тхал-кхаэрис» вручную, в обход биометрии. Да что ж у них за проблемы с загрузкой везде? Так и состариться можно!

«Доступ разрешен. Добро пожаловать, капитан».

Охуеть. Так просто?

Экран загорелся. И я тут же полез в файловую систему.

Открыл папку «Протокол "Зеро" — Секретно».

Внутри — десятки файлов. Технические спецификации, графики активации, отчеты, переписка.

Открыл файл «Физическое ядро — Местоположение».

Выхватил из вороха материалов следующее:

«Система управления протоколом "Зеро" — квантовый суперкомпьютер "Эгида-7", расположенный на планете Земля. Координаты: зашифрованы, ключ доступа у капитана Эйрен и Высшего Совета кхаэлиан. Физическое ядро имеет три резервные копии на серверах Совета. Уничтожение основного ядра активирует резервную копию в течение 24 часов».

Я замер.

Три резервные копии.

Даже если я уничтожу ядро на Земле, система восстановится через сутки.

Читал дальше.

«Для предотвращения саботажа со стороны человеческих правительств ключевой файл активации протокола хранится ТОЛЬКО на борту крейсера "Арктур" в личном терминале капитана Эйрен. Файл "Ключ Зеро-Альфа" содержит параметры запуска всех подсистем. Без этого файла активация протокола невозможна. Резервных копий ключа не существует по соображениям безопасности».

Я перечитал три раза.

Резервных копий ключа не существует.

Так может, все куда проще, и без ключа активация невозможна?

Файл только на «Арктуре», в терминале Эйрен.

Именно на этом терминале, за которым я сижу прямо сейчас.

Я быстро нашел файл. «Ключ Зеро-Альфа». Размер 2,7 мегабайта. Зашифрованный квантовый ключ.

Если я удалю этот файл, протокол не запустится? Встреча может состояться, договор может быть подписан. Но без ключа система не активируется. Правильно?

А если не так? Блин, нет у меня времени размусоливать это все!

Я навел курсор на кнопку «Удалить».

Рука зависла.

А что, если я ошибаюсь? Что, если есть другой способ активации?

Но времени думать не было. До встречи меньше девяти часов. Эйрен может вернуться в каюту в любой момент.

Нужно действовать.

Я нажал «Удалить».

Система: «Подтвердите удаление файла "Ключ Зеро-Альфа". Резервная копия отсутствует. Восстановление невозможно. Вы уверены?»

Нажал «Подтвердить».

Файл исчез. Так просто.

Пустое место в папке. Ключ удален.

Я закрыл терминал, встал. Руки тряслись так сильно, что я едва мог удержать их в покое.

Получилось.

Буду надеяться, что без ключа протокол не запустится.

Теперь надо сваливать отсюда, пока меня не поймали.

Я пошел к двери. Приложил ухо к металлу — тишина. В коридоре никого.

Быстро покинул каюту и направился обратно.

Старался не бежать, чтобы не привлекать внимание. Добрался до аварийного прохода.

Спускался по лестнице вниз, на нижние уровни. Сердце колотилось, дыхание сбивалось.

В голове крутилась одна мысль: я сделал это. Удалил файл. Протокол не запустится. И даже не пришлось никого убивать!

Добрался до служебного отсека, где находился портал. Коридор пустой. Портал мерцал в углу, как всегда.

Я подошел к нему и остановился.

Встреча состоится через несколько часов. Линч прилетит, подпишет договор. Эйрен попытается активировать протокол. Но ключа нет. Это явно усложнит задачу, даже если не сорвет их план полностью.

Что будет дальше? Как отреагируют кхаэлиане? Поймут ли, кто виновник?

Не знаю. Не важно. Я сделал что мог.

Теперь надо вернуться в 2095 и посмотреть, что изменилось.

Я протянул руку, коснулся края портала.

— Ну, погнажи... — прошептал я, прежде чем меня поглотила ослепительная вспышка.

Глава 5. Цена ошибки

Очнулся я на полу подвала с ощущением, будто меня пропустили через мясорубку, а потом для верности еще раз прогнали в обратную сторону. Из носа текла кровь и капала на бетон, расплываясь темными пятнами. Я вытер лицо рукавом куртки, но кровь не останавливалась, продолжала сочиться, стекая по подбородку. Очередной переход оказался хуже предыдущих — состояние было совершенно омерзительным. Хотя пора признать, я каждый раз так думал.

Я попытался встать, но ноги подкашивались, пришлось опереться на стену и подождать, пока головокружение пройдет. Минуты две стоял так, тяжело дыша, ощущая, как по спине стекает холодный пот. Я сплюнул кровью на пол, вытер рот и пошел к лестнице.

На десятой ступени споткнулся, едва не упал, но удержался и доковылял до двери. Толкнул ее и вышел в бар.

Пусто.

Ни хера себе поворот. Должен был быть вечер пятницы — время, когда «Гравитон» забит до отказа механиками, пилотами, всякой промзоновской шелупенью, которая после смены идет бухать и жрать синт-стейки. А здесь — ни души. Только Линда за стойкой, вытирала бокалы и смотрела в одну точку, будто в прострации.

Я подошел ближе и только тогда разглядел ее нормально. Охренеть. Линда выглядела лет на десять старше, чем когда я уходил. Лицо осунувшееся, под глазами залегли темные круги, волосы тусклые, будто месяц не мылась. Она подняла взгляд, увидела меня и замерла с бокалом в руках.

— Сон? — спросила она удивленно. — Ты откуда?

— Из подвала, — ответил я, подходя к стойке. — А что?

Линда поставила бокал, посмотрела на меня так, будто увидела призрака.

— Из подвала? — переспросила она медленно. — Ваня, тебя три дня не было. Я думала, ты свалил из города.

У меня в голове что-то щелкнуло.

— Три дня? — я уставился на нее. — Разве три дня?

Она покачала головой.

— Сон, ты спятил? Три дня назад тебя последний раз видели. Я звонила — телефон не отвечал.

Внезапно я вспомнил про Макса. Блядь, Макс.

Я схватил телефон из кармана, набрал его номер. Гудки. Один, два, три. Автоответчик.

— Абонент временно недоступен или не существует.

Не существует.

Я попробовал еще раз — тот же результат. Потом третий раз. Ничего.

— Линда, — я посмотрел на нее. — Где Макс?

Она нахмурилась.

— Какой Макс?

— Ну Макс, друган мой. Линда, ты чего? Наш Макс?

Линда смотрела на меня долго, потом медленно покачала головой.

— Сон, у тебя точно все в порядке? Ты последние годы всегда один приходишь. Никакого Макса я не знаю.

У меня аж живот прихватило. Кошмар повторяется. Я попятился от стойки, развернулся и пошел к выходу. Линда что-то кричала мне вслед, но я не слушал. Толкнул дверь и вышел на улицу.

И охуел окончательно.

Купол над городом, который всегда держал смог снаружи, теперь был исполосован трещинами — огромными, черными, через которые валил внутрь густой едкий дым. Граваеры летали хаотично, без соблюдения воздушных коридоров, один пролетел так низко, что я успел пригнуться чисто инстинктивно. А потом я увидел, как вдалеке один из них начал падать — медленно, по спирали, двигатель выл на последнем издыхании, и через секунду машина врезалась в крышу какого-то здания. Случился взрыв. Столб огня взметнулся вверх, осколки полетели во все стороны.

Люди на улице даже не оглянулись. Просто шли дальше в своих респираторах военного образца — не гражданских легких масках, а тяжелых, с фильтрами по бокам. Воздух обжигал легкие, царапал горло, я закашлялся, согнулся пополам, пытаюсь отдышаться.

Голографический экран на соседнем здании мигал красными буквами: «ЭВАКУАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ПРОМЗОНА-7 ЗАКРЫТА ДЛЯ ДОСТУПА. ГРАЖДАНАМ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПОКИНУТЬ ГОРОД В ТЕЧЕНИЕ 48 ЧАСОВ».

Промзона-7. Это где я работал. Где стояла моя мастерская.

Я подошел ближе к экрану, вчитываясь в бегущую строку:

«РЕАКТОР №4 ПРОМЗОНА-7. АВАРИЯ КАТЕГОРИИ А. 540 ПОГИБШИХ. ПРИЧИНА УСТАНОВЛИВАЕТСЯ. РАДИАЦИОННЫЙ ФОН ПРЕВЫШЕН В 12 РАЗ. ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН».

Реактор номер четыре.

Пятьсот сорок человек.

Я стоял перед экраном и пытался сообразить. В моей «оригинальной» версии реальности — той, что была до всех этих гребаных переходов, — реактор номер четыре был цел.

Значит, теперь мое вмешательство привело к тому, что взорвался реактор.

Нужно было увидеть это своими глазами. Может, я смогу найти хоть что-то, что объяснит, как это произошло. Хрен его знает.

Я стоял на тротуаре, пытаюсь отдышаться, когда из-за угла выскочил военный в камуфляже и бронежилете. Молодой, лет двадцати пяти, с автоматом на груди и планшетом в руках. Увидев меня, остановился.

— Гражданин, вы получили антирад? — спросил он, подходя ближе.

— Что? — Я не сразу врубился.

— Антирадиационные таблетки. Всем выдаем. — Он порылся в сумке на поясе, достал блистер с таблетками в серебристой упаковке. Протянул мне. — Примите сейчас, если еще не принимали. Радиационный фон по городу скачет, купол не держит.

Я взял блистер, посмотрел на название: «АнтиРад-Экстра. Кхаэлианские биотехнологии. Нейтрализует воздействие ионизирующего излучения до 50 рентген. Принимать каждые шесть часов при превышении фона».

— И как, работают? — спросил я.

Военный кивнул.

— Работают, если ты не в самом эпицентре стоял. Без этих таблеток все бы мы померли от лучевой. А так — выпил, и через час радиация нейтрализована. Хоть какой-то прогресс. — Он всмотрелся в меня внимательнее. — Вы точно нормально себя чувствуете? Вас не тошнит?

— Нормально, — соврал я. Меня действительно подташнивало, но не от радиации, а от переходов через портал.

— Примите таблетку сейчас. И держите блистер при себе. Если пойдете куда-то — принимайте каждые шесть часов.

Я выдавил две таблетки из блистера, закинул в рот. Таблетки были горькими, но я проглотил.

— Спасибо, — сказал я.

Военный кивнул и побежал дальше, раздавать таблетки другим людям на улице.

Я сунул блистер в карман и посмотрел на него. Кхаэлианские биотехнологии. Они дали нам лекарства от радиации. Какие заботливые.

Я пошел к стоянке гравраеров и на удивление нашел свою машину — старый ГравТех-440, весь в царапинах и вмятинах, но рабочий. Сел, включил двигатель. Тот загудел, зачихал, но завелся. Взлетел и полетел в сторону промзоны.

По пути видел, как город разваливается на части. Военные блокпосты на каждом перекрестке, патрули в бронированных гравраерах, люди с вещами толпились у транспортных терминалов — эвакуация шла полным ходом. На одной из улиц горел жилой блок, пожарные пытались тушить, но огонь уже сожрал половину здания. Гравраер пролетел мимо, и я увидел в окнах силуэты — кто-то остался внутри, не успел выбраться.

Промзона встретила меня блокпостом. Два военных гравраера зависли над дорогой, проектора били в глаза. Я притормозил, завис на месте. Из одного гравраера высунулся военный в каске, замахал рукой.

— Зона закрыта! Разворачивайся!

Делать нечего, отлетел на пару кварталов и приземлился в переулке между двумя заброшенными ангарами. Выключил двигатель, вышел. Дальше пешком. Я знал эту промзону как свои пять пальцев — работал здесь пять лет, знал каждую лазейку, каждый служебный тоннель, каждый заброшенный склад.

Пошел через ангар номер двенадцать — дверь давно сорвана, внутри темно и пахнет машинным маслом. Прошел насквозь, вышел с другой стороны, свернул налево, нырнул в вентиляционную шахту. Узкая, еле протиснулся, но вылез с другой стороны прямо у служебного тоннеля. Спустился вниз по металлической лестнице, включил фонарь на телефоне.

Тоннель тянулся метров триста, потолок низкий, стены бетонные, влажные. Шел быстро, считая шаги. Двести шагов, поворот направо, еще сто шагов — и лестница вверх. Поднялся, толкнул люк. Тяжелый, ржавый, но поддался. Вылез на поверхность прямо у периметра реактора номер четыре.

Охренеть.

Реактор был обугленной руиной. Здание высотой с десятиэтажку превратилось в черный скелет из торчащих балок и расплавленного металла. Земля вокруг выжжена, трава обуглилась, асфальт потрескался и вздыбился. Тела лежали под брезентом — десятки, может сотни, аккуратными рядами. Техника разбросана по всей территории — гравраеры перевернуты, краны упали, контейнеры разорваны взрывом.

Я обошел периметр, держась подальше от центра — радиация здесь зашкаливала, даже без дозиметра чувствовалось. Кожу на руках начало покалывать, во рту появился горьковатый привкус. Нашел административное здание рядом с реактором — трехэтажка, фасад обвалился, но остов целый. Зашел внутрь.

Хаос. Документы разбросаны по полу, терминалы разбиты, мебель опрокинута. Пожар прошелся по первому этажу, стены закопчены, пахнет гарью и чем-то химическим. Я поднялся на второй этаж по лестнице — ступени шатались, перила обвалились. Второй этаж оказался в чуть лучшем состоянии. Нашел кабинет с надписью «Главный инженер» и толкнул дверь. К счастью, не пришлось возиться, как с каютой Эйрен.

Внутри нашелся терминал. Разбитый экран, но корпус цел. Я нажал кнопку питания. Ничего. Мертвый. Спустился в подвал — там обычно резервное питание. Нашел щиток и включил. Лампы на потолке замигали, одна загорелась тусклым желтым светом. Вернулся в кабинет. Терминал ожил, экран загорелся.

Система загружалась минуты три. Я сидел на корточках перед экраном и ждал, чувствуя, как сердце колотится. Наконец появился интерфейс. Войти без пароля не получалось, но я знал обходной путь — в таких старых системах всегда есть режим восстановления. Нажал комбинацию клавиш, система перезагрузилась, выдала меню. Открыл файловую систему, полез в логи.

Логи аварии реактора номер четыре. Последние записи датированы девятнадцатого января — день аварии. Я читал и чувствовал, как внутри все холодеет.

Авария началась из-за сбоя в поставках топлива. Топливо должно было прийти четырнадцатого января, но пришло семнадцатого — задержка на три дня. За эти три дня температура в хранилище поднялась выше нормы. Автоматика должна была сработать, но не сработала.

Почему?

Я копался в системных файлах дальше. Нашел отчет о последнем техническом обслуживании реактора — проводилось две недели назад, четвертого января. Подрядчик: «ТехноГрав Консалтинг». Я не слышал о такой компании. Полез в реестр — она зарегистрирована три месяца назад, в октябре. Учредители наверняка подставные лица, адрес фиктивный.

Открыл список работ. Стандартная проверка систем безопасности, калибровка датчиков, обновление программного обеспечения автоматике.

Обновление ПО.

Я уставился в экран.

Открыл файл с программой управления реактором. Последнее обновление — четвертое января 2095 года. Версия 4.7.3. В комментариях к обновлению: «Оптимизация работы аварийной системы охлаждения. Утверждено Министерством энергетики».

Я полез в архив версий. Предыдущая версия — 4.6.8, установлена два года назад. Сравнил код.

Изменения были минимальные. Несколько строк в алгоритме работы датчиков температуры. На первый взгляд — ничего критичного. Порог срабатывания аварийной системы изменен с 78°C на 82°C. Типа, «оптимизация» — меньшее количество срабатываний, экономия ресурсов.

Только вот температура в хранилище во время сбоя поставок достигла 81°C. Старая версия программы сработала бы. Новая — нет.

Четыре градуса. Триста сорок трупов.

Я откинулся на спинку стула, потирая виски. Голова раскалывалась.

Значит, вот как это работает. Я изменил что-то в 2055 году — саботировал встречу, удалил ключ, что-то еще. Это сдвинуло цепочку событий. Договор все равно подписали, но условия изменились. График поставок сдвинулся. Подрядчики сменились. Кто-то получил контракт на техобслуживание реакторов.

И все это привело к взрыву. Не напрямую. Не сразу. И все же.

Я хотел спасти людей. А вместо этого просто перераспределил смерти: вместо девяноста на седьмом реакторе — еще больше на четвертом.

Я продолжал копаться в файлах. Искал хоть что-то, что помогло бы понять, как остановить эту хрень.

И нашел.

Файл был спрятан глубоко — в служебной папке, которую обычный механик, вроде меня, никогда бы не открыл. Но я был отчаянным и методичным. Открывал все подряд.

Название файла: «Зеро_отчет_узел_473.еис».

Зашифрован. Но пароль оказался стандартным служебным — тем самым, что использовался для доступа к логам. Видимо, кто-то из техников промзоны скопировал файл сюда по ошибке или для служебного пользования и не заморочился с усиленной защитой.

Я открыл файл.

Техническая схема. Карта Земли, усыпанная точками. Сотни точек. Может, тысячи. Каждая точка — узел мониторинга. И каждый узел был связан с каким-то объектом инфраструктуры: реакторы, водоочистные станции, электросети, климатические станции, транспортные хабы.

Я приблизил карту, нашел Нео-Москву. Вот он — узел номер 473, реактор номер четыре, промзона-7.

Под схемой был текст:

«Узел обеспечивает удаленный мониторинг и контроль целевого объекта. Доступ: только уровень командования. Протокол "Зеро" активирован 14 марта 2055 года, 12:34 по земному времени».

Я уставился в экран, чувствуя, как внутри все леденеет.

Протокол "Зеро".

Значит, все это время кхаэлиане не просто наблюдали за деградацией Земли — они **контролировали** ее. Через тысячи узлов, встроенных в инфраструктуру планеты. Мониторили, собирали данные. И, видимо, могли вмешиваться — через подставные компании, «оптимизации», обновления ПО, изменения в графиках поставок.

Не напрямую. Не очевидно. Но достаточно, чтобы подтолкнуть систему к саморазрушению.

Сорок лет медленного, методичного удушения человечества ради колонизации.

Я выключил терминал, побежал к выходу.

Спустился в подвал — туда, откуда пришел. Но у выхода услышал голоса. Военные. Патруль обходил здание, проверял периметр. Видимо, усилили охрану после того, как я проник внутрь — кто-то мог заметить, что дверь была взломана.

Возвращаться тем же путем было палевно. Нужен был другой выход.

Огляделся. В углу подвала — решетка вентиляции. Старая, ржавая, но достаточно большая, чтобы пролезть.

Сорвал решетку, она поддалась с противным скрежетом. Я замер, прислушиваясь — голоса военных не приблизились, значит, не услышали.

Залез в вентиляционную шахту. Узкая, пахла пылью и сыростью. Пополз вперед, локтями отталкиваясь от металлических стенок. Шахта шла горизонтально, потом резко поворачивала вправо. Я протиснулся в поворот, чувствуя, как куртка цепляется за неровности металла.

Прополз метров двадцать, может, больше. Шахта вывела меня в соседнее здание — заброшенный ангар, судя по размерам и ржавым балкам под потолком.

Вылез через решетку, упал на бетонный пол, тяжело дыша. Руки тряслись, колени ныли.

Позади, в здании терминала, донеслись крики военных. Но они искали не там.

Я поднялся, отряхнулся и побежал через ангар, перепрыгивая через завалы, пробираясь между ржавыми балками.

Уже на улице увидел военный граваер, зависший над соседним зданием. Проектор полоснул по мне, я нырнул обратно. Военные кричали: «Стоять! Руки за голову!» Я побежал в другую сторону, к складам. За спиной раздались выстрелы — энергетические разряды, один прожег стену рядом с моей головой, второй попал в балку, металл зашипел и начал плавиться.

Я бежал через промзону, используя каждую лазейку, которую знал. Прыгнул через забор, упал на другой стороне, ободрал ладони о бетон, но вскочил и побежал дальше. Нырнул в вентиляционную шахту, пролез по ней, вылез у старой водонапорной башни. Забрался внутрь по металлической лестнице и поднялся на самый верх. Им не взять меня на территории, где я проработал не один год.

Сидел там минут десять, тяжело дыша и слушая, как внизу военные прочесывают территорию. Вдруг услышал шорох внизу. На первом ярусе башни, стоял человек. Пожилой, обгоревший, в лохмотьях. Лицо покрыто ожогами, волосы обгорели, кожа облезла. Он смотрел на меня и тоже тяжело дышал.

— Кто ты? — спросил он хрипло.

— Ваня, механик, — ответил я. — Работал в промзоне. А ты?

— Виктор. Главный инженер реактора номер четыре. — Он подошел ближе, опираясь на стену. — Вернее, был главным инженером.

Я посмотрел на него внимательнее. Ожоги были тяжелыми, кожа на руках и лице покрыта волдырями, одежда обуглена. Он не выживет. Радиация доконает его через пару дней максимум.

— Зачем ты пришел сюда? — хрипло спросил мужчина, — Опасно же.

— Поверь мне, я видел похуже. Мне правда нужна была, за ней и пришел, — бросил я.

— И что, нашел?

Я пожал плечами.

— Ну кое-что нашел. По крайней мере, убедился, что все это дерьмо далеко от случайности.

— Я знал, — сказал он наконец. — Блядь, я **знал**, что это не случайность!

— Откуда?

— Последние пять лет системы безопасности реактора глючили все чаще. Мы докладывали руководству — нас игнорировали. Я лично пытался откатить изменения в программе управления — система не давала доступа.

Он откашлялся, сплюнул кровью на пол.

— За неделю до аварии я заметил в логах команды, которые никто из инженеров не вводил. Команды шли с внешнего IP-адреса. Я попытался отследить — IP вел на орбитальную станцию кхаэлиан.

Виктор посмотрел на меня.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — ответил я. — Кхаэлиане сорок лет саботируют инфраструктуру Земли. Провоцируют аварии. Убивают людей.

Виктор кивнул.

— Слушай, парень. Я не выживу. Радиация доконает. Но ты можешь что-то сделать.

Он достал из кармана маленькую флешку, протянул мне.

— Здесь полные логи системы за последние десять лет. Все изменения, все внешние подключения, вся переписка с кхаэлианскими консультантами. Докажи, что это саботаж. Расскажи людям.

Я взял флешку, сунул в карман рядом с планшетом.

— А ты?

Виктор усмехнулся.

— Я посижу здесь. Полюбуюсь на закат. В последний раз.

Я посмотрел на него — старик с обожженным лицом, умирающий в развалинах реактора. Мне хотелось сказать что-то, но слова не шли.

— Беги, парень, — сказал Виктор. — Военные найдут нас обоих, если удержишься.

Я кивнул, встал и пошел к лестнице. На выходе обернулся. Виктор сидел у стены, смотрел в окно на красное небо.

Спустился вниз, выбрался из башни, побежал обратно к граваеру. Военных больше не было — они ушли искать в другом направлении. Сел в машину, завел двигатель, взлетел. Летел обратно в город и смотрел вниз на промзону — обугленные здания, дымящиеся развалины, трупы под брезентом.

Я приземлился у своего дома, поднялся в квартиру. Подключил флешку к терминалу, начал изучать файлы. Логи системы за десять лет. Сотни внешних подключений. Все шли с орбитальных станций кхаэлиан. Команды были тонкими — не откровенный саботаж, а «оптимизации», которые делали систему хрупкой. Одно изменение незаметно. Десять изменений — еще терпимо. Сто изменений за десять лет — катастрофа.

Я загулил новости за последние сорок лет, начал искать паттерны. Аварии на реакторах, водоочистных станциях, электросетях. Каждые пять-семь лет — крупная катастрофа. География — по всему миру. Я наложил на карту узлы мониторинга из схемы протокола. Каждая авария происходила рядом с узлом.

Телефон завибрировал. Сообщение от Линды: «Сон, ты где? Волнуюсь».

Я не ответил. Вместо этого снова набрал номер Макса. Автоответчик: «Абонент не существует». Может, в этой ветке у него номер другой? Или мы с ним просто не знакомы?

Пошел к дому Макса. Адрес помнил — жилой блок Е-14, квартира 237. Поднялся по лестнице, постучал в дверь. Открыла старая бабка, посмотрела на меня недовольно.

— Вам чего?

— Максим дома? Ну Макс. Высокий, светлые волосы, улыбочивый. Программист, работает в «ГравТех».

Бабка нахмурилась, разглядывая меня с подозрением.

— Какой Максим? Здесь живет семья Ковалевых. Лет пятнадцать уже.

Я почувствовал, как внутри все холодеет.

— А Максима знаете? Двадцать девять лет ему, крепкий такой, еще всегда в цветных футболках ходит. Он тут раньше жил, может, съехал?

Бабка покачала головой.

— Не знаю такого. Вы, молодой человек, адресом не ошиблись?

Я развернулся и ушел. Спустился вниз, сел на ступеньки у входа в блок. Достал сигарету, закурил. Хотя обещал матери бросить. Но мать умерла пять лет назад, а Макс исчез из реальности. Похуй на обещания.

Я курил и думал о том, что узнал. И о том, что вот эта, новая реальность, которую я создал, меня вообще никак не устраивает.

Я докурил сигарету, бросил окурочок на асфальт, растоптал.

Встал. Посмотрел на красное небо, на треснутый купол, на дымящиеся развалины промзоны вдали.

Мне придется попробовать снова. И снова. И снова. До тех пор, пока не получится. Или пока я не сдохну.

Попытка номер четыре впереди, но до этого мне придется вернуть все к исходной. Поэтому я дошел до бара, и, игнорируя удивленные возгласы Линды, молча спустился в подвал. Я крепко сжал кулаки и, не оставляя себе времени на раздумья прыгнул в портал. Похрен на риски, не хочу я жить в такой версии. Едва я упал с обратной стороны портала, на пол космического корабля, я тут же поднялся на ноги и вернулся к себе.

В подвале бара пришлось повалиться минут пятнадцать, а то и все тридцать. На мгновение мне даже показалось, что я больше не смогу встать буквально никогда. Однако шум музыки и гул голосов сверху взбудрили меня. Я понял, что жизнь там течет своим чередом, прямо как до всех этих моих манипуляций. Я не без труда поднялся и поковылял по ступеням. Распахнув дверь я увидел Линду. Увидел Макса и еще много разных людей, которые привычно веселились, пили пиво и общались. Да, мать твою, получилось!

Я протиснулся сквозь толпу, хлопнул Макса по плечу и направился к выходу.

— Эй, ты куда, братан? — удивленно крикнул он.

— Хреново что-то, домой пойду, — ответил я.

— Перепил опять, Сон. — Макс усмехнулся.

Я не стал говорить, что чертовски рад видеть его усмешку, да и его самого в принципе. Слишком странно бы это прозвучало. Просто махнул рукой и пополз домой.

Я понимал, что не готов останавливаться на этом. Я все еще могу пробовать.

Но на этот раз я продумаю новый план с учетом всех полученных данных.

Глава 6. Один вечер без портала

Проснулся я в своей постели и первым делом проверил, где нахожусь. Потолок знакомый — трещина в углу, которую я все собирался замазать. Окно справа, шкаф слева. Моя комната. И за окном вроде никаких катаклизмов. Уже радуется.

Сел на кровати, потер лицо. Голова не раскалывалась — уже хорошо. Руки не тряслись — еще лучше. Четвертый переход позади, и я пока еще не развалился на куски. Хотя память начала барахлить конкретно. Вчера пытался вспомнить, как звали девушку, с которой учился в школе — та, что сидела за соседней партой три года. О, как же она мне нравилась. Можно сказать, первая любовь. А теперь я просто помнил, что она была. Помнил светлые волосы, помнил, что она смеялась громко. Но имя? Лицо? Пустота. Будто кто-то вырезал кусок из головы и заштукатурил дыру.

Телефон завибрировал на тумбочке. Макс.

«Братан, приходи сегодня вечером в "Гравитон". Хочу тебе кое-что важное рассказать. Никаких отмазок. Либо приходишь сам, либо я приду и вытащу тебя за шкуру. А еще ты мне в "Орбите" нужен. Подскакивай через пару часов».

Я усмехнулся. Макс такой Макс. Написал ответ:

«Приду. Обещаю».

Пришлось тащиться в душ. Стоял под холодной водой минут десять, пытался собрать мысли в кучу. Нужен был перерыв. Хотя бы один день стабильности без рвоты и необходимости убегать от пришельцев в теле их собрата.

План на сегодня простой: притвориться нормальным человеком. Один вечер без портала, без протокола "Зеро", без кхаэлиан и вымирания человечества. Просто Ваня Сон, механик, который встречается с другом в баре. Обычная жизнь.

Вышел из душа, оделся. Посмотрел на часы — двенадцать дня.

Решил убить время. Взял граваер, полетел в мастерскую — хотя бы взять расчет за прошлый месяц, если меня еще не уволили.

Начальник встретил меня как родного. То есть послал нахуй, выдал расчет и сказал, чтобы больше не появлялся. Я кивнул, забрал деньги и ушел. Работа была хреновая, но хоть какие-то деньги приносила. Теперь придется искать новую. Если вернусь из следующего перехода живым, конечно.

Дальше пора было ехать в «Орбиту».

«Орбита» находилась в центре Нео-Москвы, один из немногих торговых центров, который еще как-то держался на плаву. Большинство закрылись — кризис, инфляция, народ экономил на всем. Но «Орбита» выживала за счет того, что там продавали не только товары, но и развлечения: виртуальные симуляторы, игровые зоны, кинотеатры с голографическими экранами.

Я припарковал граваер на крыше, спустился вниз по эскалатору. Народу было немного — пара десятков человек бродили между витринами, большинство просто смотрели, не покупая. Макс уже ждал у входа в магазин электроники.

— Сон! — крикнул он, помахал рукой. — Думал, ты опять сольешься.

— Обещал же, — ответил я, подходя ближе.

Макс выглядел как всегда — светлая футболка с каким-то тупым принтом (кажется, робот с пивом в руке), джинсы, кроссовки. Улыбался широко, будто жизнь — сплошной праздник.

— Слушай, мне нужна твоя помощь, — сказал он. — Хочу Кате подарок купить. Думаю между двумя вещами, не могу выбрать.

— Кате? — переспросил я.

Имя знакомое, точно звучало раньше от Макса, но... Будто я слышал его, но не помню контекста. Лицо в голове не всплывало.

Макс закатил глаза.

— Моя девушка, блин. Я тебе про нее рассказывал раз десять. Ты точно в норме?

Я напрягся. Катя. Девушка Макса.

Должен помнить. Но в памяти — туман.

Вопрос: я ее забыл из-за переходов? Или в той, самой первой версии реальности, у Макса вообще не было девушки по имени Катя? Может, она появилась только здесь, в этой ветке, где я изменил что-то в прошлом?

Ну или я просто забыл. Память дырявая, как решето. Замечательно, вся эта дичь начинает сводить меня с ума.

— Извини, — пробурчал я. — Я, видимо, пропускал мимо ушей. Напомни.

Макс вздохнул, но не стал копать глубже.

— Катя. Встречаемся полгода. Работает медсестрой в городской клинике. Классная девчонка. Думаю сделать ей предложение через пару месяцев.

Я замер.

— Предложение? Типа замуж?

— Ага. — Макс улыбнулся. — Серьезно уже, знаешь? Устал от этой холостяцкой жизни. Хочу стабильности. Дом, семью, может, детей через годик-другой.

Он говорил это легко, как будто планировал отпуск. А я стоял и чувствовал, как внутри все сжимается.

Макс строит будущее. Свадьба, дети, жизнь.

А я пытаюсь починить прошлое и постоянно все ломаю. Что, если следующий переход сотрет его снова? Или сотрет Катю? Или изменит их встречу так, что они вообще не познакомятся?

— Это круто, — выдавил я. — Поздравляю.

— Спасибо, бро. — Макс хлопнул меня по плечу. — Так сможешь выбрать подарок для нее? Пойдем, покажу варианты.

Мы зашли в магазин электроники. Макс провел меня к отделу виртуальных устройств и показал два варианта: голографический браслет с функцией персонального ассистента и набор для виртуальной реальности — шлем, перчатки, полный фарш.

— Браслет, конечно, практичнее, — сказал Макс. — Она постоянно забывает про встречи, расписание сбивается. А виртуалка — это так, для развлечения. Но она любит игры.

Я посмотрел на цены. Браслет — пятнадцать тысяч. Виртуалка — двадцать пять.

— Бери виртуалку, — резюмировал я.

— Seriously? Она дороже.

— Если девушка любит игры — бери для игр. Практичное дерьмо она сама себе купит. А подарок должен быть таким, чтобы она улыбнулась, а не подумала «о, удобно».

Макс кивнул.

— Логично. Ладно, беру виртуалку.

Он пошел к кассе, расплатился.

Мы вышли из магазина. Сели в кафе на втором этаже — небольшое место с пластиковыми столиками и автоматами с синт-кофе. Макс заказал себе капучино, мне — эспрессо.

— Слушай, Ваня, — сказал он, размешивая свой кофе. — Ты какой-то странный последнее время.

— В смысле?

— Ну... отстраненный. Как будто где-то далеко. Все время о чем-то думаешь. Проблемы на работе?

Я пожал плечами.

— Работы много. Устал просто.

Макс не поверил, это было видно по лицу. Но не стал давить.

— Ладно. Но если что — ты знаешь, я всегда готов тебя выслушать.

— Знаю, — кивнул я.

Он пил кофе, рассказывал про Катю, про то, как они познакомились (она чинила ему разбитый нос после драки в баре, он влюбился с первого взгляда), про планы на будущее. Я слушал вполуха, кивал в нужных местах. А в голове крутилась одна мысль: если я облажаюсь в следующий раз, Макс снова исчезнет. И все эти планы, вся эта радость — просто сотрутся, как будто их никогда и не было. С другой стороны, он об этом и не вспомнит, но я-то буду знать.

— Макс, — перебил я его. — А ты когда-нибудь думал, что мог бы изменить что-то в прошлом? Исправить ошибку?

Он медленно поднял брови.

— Философствуешь? Ты точно не обдолбался?

— Ответ просто.

Макс задумался, отпил кофе.

— Ну... наверное, каждый об этом думает. Я бы, например, не полез в ту драку, где мне нос сломали. Хотя с другой стороны, если бы не полез — не встретил бы Катю.

— То есть ошибка привела к чему-то хорошему?

— Получается, да. — Он усмехнулся. — Слушай, Ваня, загоняться о прошлом — это как старый граваер чинить с новыми запчастями. Можно разобрать, попытаться припаять, но потом собрать обратно не получится. Всегда какая-то деталь лишней остается. Ты это знаешь не хуже меня, ты же механик.

Я уставился на него. Точнее не скажешь.

— А если бы у тебя был шанс изменить что-то реально важное? — спросил я. — Что-то глобальное?

Макс пожал плечами.

— Зависит от того, как это отразится на мне и моих близких. Если изменения коснутся только каких-то абстрактных людей, которых я не знаю, — хрен его знает, стал бы рисковать. А если речь о том, чтобы спасти кого-то из своих... — Он замолчал, посмотрел в окно. — Наверное, попробовал бы. Даже если шансов мало.

Я кивнул.

— Даже если можешь все испортить еще сильнее?

Макс посмотрел на меня странно.

— Ты о чем конкретно, Ваня?

— Ни о чем, — быстро ответил я. — Просто размышляю.

Он не поверил, это было видно по лицу. Но не стал давить.

Мы допили кофе, вышли из торгового центра. Макс предложил съездить к нему домой, посмотреть какой-то новый фильм, но я отказался — слишком много мыслей в голове, нужно было побыть одному. Мы договорились встретиться уже вечером в «Гравитоне».

Я приехал домой, завалился на диван. Смотрел в потолок и пытался не думать о портале. Не получалось. Перед глазами стояла та мерцающая дыра в пространстве. Голубоватый свет, размытые края. Зовущая, манящая.

Посмотрел на часы — шесть вечера. До встречи с Максом в баре оставался час.

Оделся, вышел из квартиры. Полетел на граваере в промзону, к «Гравитону».

Бар встретил меня привычным шумом: музыка, голоса, звон кружек. Хоть народу и было немного. Я огляделся, искал глазами Макса. Но не нашел. Зато увидел за барной стойкой незнакомую девушку.

Не Линду.

Я подошел ближе, присмотрелся. Около двадцати шести лет, короткие темные волосы с выбритым виском, татуировка на шее — механическая шестеренка с крыльями. Кожаная куртка поверх черной футболки, тяжелые ботинки. Вытирала бокалы, не глядя на посетителей.

Я сел на барный стул. Она подняла глаза, оценила меня одним холодным взглядом.

— Что будешь? — Голос низкий, чуть хриплый.

— Виски, — протянул я, пытаюсь припомнить, была ли у Линды сменщица. И не припоминал. — Двойной.

Она усмехнулась.

— В шесть вечера виски? Серьезно?

Я нахмурился.

— А тебе какое дело?

— Да никакое, — пожала плечами она, достала бутылку. — Просто обычно в такое время виски пьют те, кто либо спивается, либо от чего-то бежит.

Я сжал кулаки. Кто эта самоуверенная сука?

— Может, я просто люблю виски, — ответил я холодно.

Она налила в стакан двойную порцию, поставила передо мной.

— Ага. Конечно.

Развернулась и пошла к другому концу стойки, где кто-то заказывал пиво. Я смотрел ей вслед и все думал: нахрена она вообще лезет не в свое дело? Я пришел выпить, расслабиться, не слушать умные советы от незнакомых барменш.

Выпил виски залпом. Горло обожгло, но это помогло успокоиться. Я достал телефон, написал Максу:

«Я в баре. Ты где?»

Ответ пришел через минуту:

«Еду. Минут десять. Кстати, увидишь Катю — она сегодня Линду подменяет в баре. Познакомьтесь наконец нормально».

Я уставился в экран.

Катя.

Та самая девушка Макса, которой он собирался делать предложение.

И она только что послала меня в завуалированной форме.

Охуенно.

Я посмотрел на барную стойку. Девушка стояла спиной, разливала пиво из крана. Попытался разглядеть получше.

Среднего роста, спортивное телосложение. Двигалась уверенно, без суеты — видно, что не первый раз за стойкой.

Значит, это она. Медсестра из городской клиники. Будущая жена Макса.

И первое впечатление — полная стерва.

Чего она вообще здесь забыла, интересно, раз медик?

Я заказал еще виски. Катя вернулась, налила молча. На этот раз без комментариев. Но взгляд был красноречивым: мол, пей дальше, алкаш.

Я присмотрелся к ней внимательнее. Лицо открытое, глаза карие, живые, но с каким-то упрямым выражением, будто готова спорить по любому поводу. Нос с легкой горбинкой. Губы поджаты — то ли от усталости, то ли от раздражения.

Через десять минут в бар вошел Макс. Улыбался до ушей.

— Ваня! — крикнул он, подошел, обнял меня за плечи. — Давно не виделись. Как настроение?

— Нормально, — ответил я сухо.

Макс повернулся к Кате.

— Катюш, познакомься — это Ваня. Мой лучший друг, про которого я тебе рассказывал.

Катя вытерла руки о фартук, протянула мне руку через стойку. Рукопожатие крепкое, почти мужское.

— Вот оно как. Ну, Катя, — прохрипела она. — Наконец-то встретились.

— Это точно, — ответил я. Макс засмеялся, сел на стул рядом со мной.

— Не обращай внимания, он всегда такой угрюмый. Особенно после виски.

Катя кивнула, налила Макс пива.

— Линда попросила меня подменить ее на пару дней, — сказала она, ставя кружку перед Максом. — Она моя тетька. Уехала в Нео-Питер, там какие-то семейные дела.

Я кивнул. Значит, родственница. Логично.

— Ты раньше здесь работала? — спросил я.

— Иногда помогаю, когда тете нужно отлучиться. Несложно — пиво налить, виски плеснуть. — Она посмотрела на меня с легкой усмешкой. — Хотя некоторым клиентам хочется плеснуть не в стакан, а в лицо.

Макс фыркнул в кружку.

Я промолчал. Стерва, точно.

Мы пили пиво. Макс рассказывал какую-то байку с работы — что-то про баг в системе, который два дня не мог найти. Я слушал вполуха, кивал. Катя ходила вдоль стойки, обслуживала клиентов. Несколько раз наши взгляды пересекались — и каждый раз я видел в ее глазах оценку. Будто она вычисляла меня, решала, стою ли я внимания.

И меня это дико раздражало. Да я Макса знаю дольше, чем они встречаются!

В какой-то момент я встал, сказал Макс, что выйду покурить. Макс кивнул, продолжил болтать с каким-то парнем за соседним столиком.

Я вышел на улицу. Холодный вечерний воздух ударил в лицо. Небо серое, купол над городом мерцал. Достал синт-сигарету, прикурил. Затянулся, выдохнул дым.

Дверь бара открылась. Вышла Катя. Достала свою сигарету, прикурила от зажигалки. Встала рядом, но молчала.

Мы курили минуту в тишине. Потом она заговорила:

— Слушай, извини за наезды. Просто... у меня брат был. Похожий на тебя.

Я повернулся к ней.

— Был?

Катя затянулась, выдохнула дым.

— Повесился три года назад. В подвале. Никто не заметил, что ему хреново. Даже я.

Пауза. Я не знал, что сказать.

— Он был тихий, — продолжила Катя. — Замкнутый. Все держал в себе. Думал, что со всем справится сам. А потом однажды утром мать нашла его висящим под потолком.

Она смотрела прямо перед собой, не моргая.

— Так что когда я вижу парня, который выглядит так, будто тащит на себе весь мир, — срабатывает рефлекс. Наезжаю, чтобы вытрясти из него хоть что-то. Лучше он меня пошлет, чем молча сгниет изнутри.

Как резко на моих глазах она из стервы превратилась в нормальную девушку со своими тараканами. Она не смогла тогда спасти брата. И теперь пытается спасти каждого, кто напоминает ей его.

— Понял, — сказал я тихо. — Но я не твой брат.

— Знаю, — кивнула Катя. — Но все равно будь осторожен, Сон.

Мы докурили сигареты. Она затушила окурки о стену, пошла обратно в бар. Я постоял еще минуту, потом последовал за ней.

Вечер потек иначе. Атмосфера потеплела. Катя больше не молчала демонстративно, а когда наливала мне виски (я заказал еще раз, уже третий), даже коротко кивнула — мы заключили что-то вроде перемирия.

Макс познакомил меня с парой своих знакомых — программистами из его конторы. Мы перебрались от барной стойки за столик у окна, чтобы удобнее было сидеть компанией. Они говорили на каком-то своем жаргоне про код, баги, релизы. Я кивал, иногда вставлял что-то нейтральное. Пил виски медленно, растягивая удовольствие.

Макс был в ударе — рассказывал байки про работу, смеялся громко, подливал всем пива. Его друзья поддерживали разговор, обсуждали какой-то новый проект. Я сидел, слушал вполуха, смотрел в окно на серое небо.

В какой-то момент Катя вышла из-за стойки с кружкой кофе в руках и под села к нам за столик. Села рядом с Максом, он обнял ее за плечи.

— Устала? — спросил он.

— Немного, — кивнула она, отпила кофе. — Но смены в клинике бывают тяжелее.

Повернулась ко мне.

— Сон, Макс говорил, ты механик?

— Ага, — кивнул я. — Чиню гравееры. Антигравитационные двигатели, стабилизаторы, всякое такое.

— Интересная работа?

Я пожал плечами.

— Бывает. Иногда приходится чинить такое дерьмо, что проще новый гравеер купить. Обычно люди экономят, тащат ко мне развалюхи.

Катя усмехнулась.

— Знакомо. Я же медсестра в городской клинике. Там то же самое — люди тянут до последнего, потом приходят с запущенными болезнями и удивляются, что лечиться долго и дорого.

Макс хмыкнул.

— Вот поэтому я к врачам хожу. Профилактика — лучшее лечение.

Катя толкнула его локтем.

— Ты к врачам не ходишь, пока не заставит. Чего врешь? Ты вообще боишься уколов.

Один из друзей Макса засмеялся. Макс притворно обиделся.

— Не боюсь я уколов! Просто не вижу смысла ходить, когда ничего не болит.

— Тяжело работать в клинике? — спросил я у Кати, перебивая их перепалку.

Она посерьезнела.

— Еще как. — Вздохнула. — Особенно последние годы. Смертность растет, новые болезни появляются, старые лекарства не помогают. Врачи в шоке, не понимают, что происходит.

Ага, все верно. Смертность растет. Новые болезни. Протокол «Зеро» работает.

Макс нахмурился.

— Серьезно настолько плохо?

Катя кивнула.

— Да. На прошлой неделе у нас умерло трое пациентов от какой-то новой инфекции. Врачи даже диагноз толком поставить не смогли. Анализы показывали одно, симптомы — другое.

— А ты сама не боишься заболеть? — спросил я.

— Боюсь, — призналась Катя. — Но что делать? Работа такая. Кто-то же должен помогать людям.

Она говорила просто, без пафоса. Будто это само собой разумеющееся.

Макс сжал ее плечо.

— Ты герой, Катюш.

Она усмехнулась.

— Не герой. Просто делаю свою работу. Но, спасибо, наверное.

Макс начал рассказывать какую-то историю про то, как Катя спасла его после драки. Она закатила глаза, но слушала с улыбкой. Я смотрел на них и думал: они хорошо смотрятся вместе. Он — открытый, веселый. Она — резкая, сильная. Дополняют друг друга.

Народу в баре прибавилось. Музыка заиграла громче. Кто-то включил старые песни — рок из двухтысячных. Макс подпевал, Катя смеялась над ним.

Я сидел, пил виски и чувствовал странное спокойствие. Один вечер без портала. Без переходов. Без прошлого и будущего. Просто здесь и сейчас.

В какой-то момент Катя под села ближе.

— Сон, — сказала она тихо, чтобы Макс не слышал. — Не знаю, что у тебя там происходит. Но если надо поговорить — приходи. Я не плохой слушатель. Иногда.

Она говорила вполне искренне, и я пообещал себе задуматься над ее предложением.

— Спасибо, — ответил я.

— И еще, — добавила она с усмешкой. — Перестань пить виски в шесть вечера. Это правда депрессивно выглядит.

Я рассмеялся. Впервые за несколько дней.

— Постараюсь.

Бар закрывался в три ночи, вечер приближался к завершению. Макс уехал первым: ему завтра рано на работу. Я собирался выходить, но Катя остановила меня у выхода.

— Сон, подожди.

Я обернулся. Она стояла у стойки, вытирала последние бокалы.

— Что?

— Будь осторожен, ладно? Ты как будто собираешься со скалы сигануть.

Я усмехнулся.

— Можно и так сказать.

— Тогда подумай дважды, прежде чем делать что-то рискованное, — сказала она серьезно.

— Мир и так достаточно не в себе. Не надо добавлять ему работы.

Я кивнул.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Вышел на улицу. Ночь. Небо серое, звезд не видно из-за смога. Граваеры летали редко — ночное движение всегда было слабым.

Я пошел пешком. Не хотелось садиться в машину. Просто шел по пустым улицам Нео-Москвы и думал.

О Максе, который планирует свадьбу.

О Кате, которая каждый день спасает людей в клинике.

О Линде, которая держит бар и не знает, что под ее подвалом портал в прошлое.

О том, что все они живы в этой версии реальности. И это хорошо.

Но в других ветках их не было. И я понятия не имею, какой из моих выборов может привести к их исчезновению.

Дошел до дома. Поднялся в квартиру.

Я лег на кровать. Закрыв глаза. Попытался заснуть.

Не получалось. Перед глазами стоял дурацкий портал.

Непонятно, сколько еще переходов я переживу.

Глава 7. Следы прошлого

Проснулся я от того, что в голове словно кто-то долбил отбойным молотком по ржавой трубе. Открыл глаза, уставился в потолок.

Лежал минут пять, не шевелясь. В башке крутилась одна мысль, не давала покоя.

Портал.

Я четыре раза прыгал в прошлое. Четыре гребаных раза. Саботировал энергоблок на «Арктуре» — стало хуже. Угробил двоих на шаттле — лучше, но не кардинально. Копался в базах данных, искал координаты ядра протокола. И ни разу, блядь, не спросил себя главного: откуда вообще взялся этот портал?

Серьезно. Просто споткнулся пьяным в подвале «Гравитона», нашел светящуюся дыру в стене и начал через нее прыгать как последний debil. Не задумался: кто его создал? Зачем он там? Почему именно я его нашел, а не кто-то другой?

Логика хромала на обе ноги и еще костылем размахивала.

Сел на кровати. Руки тряслись — после всех этих хождений тремор стал постоянным спутником. Провел ладонью по лицу, почувствовал щетину. Когда последний раз я брился? Дня три назад? Четыре? Да че ж я ничего не помню-то?

Встал, поплелся к терминалу. Включил, открыл файлы с «Арктур»». Протокол «Зеро». Читал и понимал: я дурак. Бьюсь головой о стену, пытаюсь переписать прошлое, но даже не разобрался, кто вообще написал первую страницу.

Портал не мог появиться сам по себе. Такие штуки не материализуются в подвалах баров просто так. Кто-то его создал. Кто-то настроил его, чтобы он вел в 13 марта 2055 года в 23:40 на инопланетный корабль «Арктур», а не куда-нибудь еще.

И почему, черт возьми, именно я могу через него ходить? Может ли кто-то еще?

Нужны были ответы. А ответы, вполне вероятно, могли быть у тех, кто там был, когда все началось. Уверенности не было, но попытать удачу стоило.

Нашел рассекреченные архивы. Списки участников переговоров 2055 года. Делегация ООН, кхаэлианские представители, советники, переводчики, технари.

Начал проверять: кто жив?

Доктор Джеймс Линч — мертв. Вирус.

Маргарет Бейл — мертва. Рак, 2087 год.

Генсек ООН Мария Кастильо — мертва. Теракт, 2073-й.

Советники — мертвы. Переводчики — мертвы. Технари — почти все в могилах. Да их как выкосило всех!

Копался час. Нашел одного.

Доктор Элиас Корбен.

Технический консультант ООН по кхаэлианским технологиям. Анализировал артефакты после подписания договора. В архивах упоминался на второстепенных ролях, в сносках, как часть команды.

Возраст: 92 года.

Статус: жив.

Постарался найти какую-то информацию о том, где этот доктор может быть сейчас. Хорошо, что в современном мире такие данные публикуются в открытом доступе. Нужно лишь немного времени, мозгов и, по сути, капельку усилий. Спустя пару часов «колдовства» над компом, инфа была у меня «в кармане».

Местонахождение: частная клиника для престарелых «Вечный покой», блок F-9, окраина Нео-Москвы.

Живой свидетель. Единственный, кто мог что-то знать. Что ж, один так один, мне меньше работы.

Копнул глубже. Нашел интересную хуйню: в 2056 Корбена отстранили от должности. Причина официальная — «по состоянию здоровья». Но дальше шла приписка, которая заставила меня замереть: «психическое расстройство, параноидальные идеи, неадекватное поведение». В рассекреченной служебной записке мелькала фраза: «пациент утверждает, что видел "невозможные вещи", распространяет информацию, подрывающую доверие к программе сотрудничества».

То есть Корбен что-то знал. Что-то такое, от чего у него поехала крыша. И его упекли в психушку.

Вот это уже годнота.

Оделся, вышел из дома. Спустился вниз, прошел пару кварталов до «Гравитона» — граваер я оставил там вчера. Нашел его на стоянке у бара, завел двигатель. Взлетел и направился к блоку F-9.

Почти подлетел к пункту назначения, когда передо мной открылся вид на старое здание, пятиэтажку, с серыми стенами с облупившейся краской. Клиника называлась «Вечный покой». Я узнал название еще из базы данных, когда искал адрес, однако оно меня не переставало удивлять. Вывеска голографическая мерцала с помехами, буквы дергались. «Вечный покой». Будто это филиал крематория — вот же ирония судьбы.

Припарковал граваер на стоянке перед входом. Заглушил двигатель, вылез, поправил куртку и направился к главному входу.

Внутри пахло антисептиком и тем специфическим запахом старости, который ни с чем не спутаешь. Белые стены, линолеум на полу, несколько дверей по обе стороны коридора. Тихо. Слишком тихо для места, где живут люди.

За стойкой администратора сидела баба лет шестидесяти, читала что-то на планшете. Подняла взгляд, стоило мне подойти.

— Здравствуйте, — сказала она устало. — К кому?

— К доктору Элиасу Корбену. Я родственник.

Она нахмурилась.

— Родственник? У доктора Корбена не указано родственников в базе.

Хуйня. Надо было легенду заранее продумать.

— Дальний родственник, — брякнул я быстро. — Двоюродный племянник. Не виделись лет двадцать, но я недавно переехал в Нео-Москву, узнал, что он тут, и решил поведать.

Она смотрела на меня оценивающе. Я держал лицо спокойным.

— Документы.

Протянул паспорт. Она просканировала терминалом.

Система показала мои данные: Иван Сон, 28 лет, механик, прописка Нео-Москва, блок D-47. Никаких связей с Корбеном.

— В базе нет связи с доктором Корбеном, — сказала она подозрительно.

— Говорю же, дальний родственник. Не общались толком.

Она думала.

— Вы в курсе о состоянии доктора?

Я нахмурился.

— Каким состоянием?

Баба вздохнула.

— Доктор Корбен страдает старческим слабоумием. Он не всегда адекватен. Часто не узнает людей, говорит бессвязные вещи. Я должна вас предупредить, что визит может быть... неприятным.

Я кивнул.

— Понял. Все равно хочу его увидеть.

Она пожала плечами.

— Как знаете. Палата двести семнадцать, второй этаж, налево. Но если доктор начнет волноваться — сразу выходите. У него слабое сердце.

Я кивнул, пошел к лестнице.

Поднялся на второй этаж, нашел нужную дверь. Постучал.

Ответа не последовало.

Толкнул дверь. Она была не заперта.

Вошел.

Палата была маленькая и мрачная. Кровать у стены, стол, инвалидное кресло у окна. На столе лежали какие-то старые бумаги, пожелтевшие фотографии. Запах лекарств здесь буквально застыл в воздухе.

На каталке сидел сам Корбен.

Старик в инвалидном кресле. Худой до костей, лысый, кожа на лице покрыта пигментными пятнами и морщинами. Руки лежали на подлокотниках, пальцы слегка подрагивали. Голова повернута к окну, взгляд стеклянный, отсутствующий.

Губы шевелились. Он что-то шептал себе под нос.

Я закрыл дверь, подошел ближе. Остановился в паре метров от кресла.

— Доктор Корбен?

Старик не отреагировал. Продолжал смотреть в окно и шептать. Я прислушался, пытаюсь разобрать слова.

— ...сто сорок три... два ноль пять пять... земля, прием... неизбежность неизбежна... сто сорок три...

Бессвязный бред. Цифры, обрывки фраз.

Я подошел еще ближе, присел на корточки рядом с креслом, чтобы оказаться на уровне его глаз.

— Доктор Корбен, вы меня слышите?

Старик продолжал шептать. Взгляд не менялся, будто я был призраком, которого он не видел.

— ...сто сорок три... два ноль пять пять... земля, прием...

Я попробовал снова.

— Меня зовут Иван Сон. Я пришел поговорить о событиях две тысячи пятьдесят пятого года. О договоре с кхаэлианами.

Ноль реакции. Губы шевелились, шепот продолжался.

Я сжал кулаки. Приехал сюда, рассчитывал на ответы, а получил овощ в кресле.

Попробовал еще раз.

Шепот не прерывался.

— ...неизбежность неизбежна... сто сорок три...

Я встал, прошелся по комнате. Подошел к столу, посмотрел на фотографии. Одна из них привлекла внимание: молодой Корбен в защитном костюме стоял на фоне чего-то светящегося, напоминающего портал. Из-за качества фото, правда, было сложно что-либо разобрать.

Взял фото, вернулся к креслу. Показал старику.

— Вот. Вы это помните? Протокол «Зеро».

Корбен продолжал смотреть в окно. Шептал.

— ...сто сорок три... два ноль пять пять...

Я чувствовал, как отчаяние нарастает. Единственный живой свидетель, и он ебанутый в стельку. Ничего из него не вытянуть.

Сел на стул рядом с креслом. Положил фото на колени старика. Смотрел на него и думал: зря приехал. Зря надеялся.

Потом вспомнил слова из служебной записки. «Пациент утверждает, что видел "невозможные вещи"». Что он видел? Портал? Путешествия во времени?

Наклонился ближе.

— Доктор Корбен, — сказал я тихо, почти шепотом. — Я знаю про протокол «Зеро».

Шепот продолжался без изменений.

— ...неизбежность неизбежна... сто сорок три...

Я сделал глубокий вдох.

— Я знаю про портал.

В тот же момент старик замолчал.

Резко, будто кто-то выключил звук. Губы перестали шевелиться. Пальцы на подлокотниках напряглись.

Я замер. Смотрел на него, не дыша.

Корбен медленно, очень медленно повернул голову и посмотрел на меня.

Взгляд был безумным. Глаза широко распахнуты, зрачки расширены, в них метался страх, ужас, что-то первобытное и звериное.

Потом он резко дернулся вперед, схватил меня за руку. Хватка сильная, пальцы впились в запястье как клещи.

— Не смей! — прохрипел он. Голос хриплый, надтреснутый, будто не использовался годами. — Не смей ничего делать с этим чертовым порталом! Ты не понимаешь! Не понимаешь, что наделаешь!

Я попытался вырвать руку, но старик держал крепко. Смотрел на меня с обезумевшим выражением лица.

— Ты сделаешь только хуже! — продолжал он. — Только хуже! Оставь портал! Неизбежность неизбежна!

Сердце колотилось. Я попытался успокоить дыхание.

— Доктор, я должен остановить протокол. Портал — это способ...

— Нет! — перебил он, трясая мою руку. — Нет способа! Нет! Портал — это ловушка! Ты не понимаешь!

Я наклонился ближе, несмотря на страх.

— Тогда объясните. Расскажите, что вы знаете. Про портал, про протокол, про...

Корбен резко отпустил мою руку, откинулся в кресле. Повернулся обратно к окну. Взгляд снова стал стеклянным, отсутствующим.

Губы задвигались. Шепот вернулся.

— ...сто сорок три... два ноль пять пять... земля, прием... неизбежность неизбежна...

Я схватил его за плечо.

— Доктор Корбен! Что вы имеете в виду? Что такое портал? Почему ловушка?

Старик не реагировал. Шептал свою мантру, смотрел в окно на серое небо.

Я тряс его за плечо.

— Отвечайте! Черт возьми, отвечайте!

Ничего. Будто я вообще не существую.

Я попытался другой подход.

— Доктор, вы сказали «сто сорок три». Что это значит? Сто сорок три чего?

Шепот продолжался монотонно.

Я встал, прошелся по комнате. Остановился у окна, посмотрел на тот же вид, что и старик. Серое небо, купол города, гравееры вдалеке.

Думал.

Сто сорок три. «Два ноль пять пять» — это 2055 год. «Земля, прием» — радиосообщение? «Неизбежность неизбежна» — философская хуйня.

Но сто сорок три — что такое?

Вернулся к креслу. Присел снова на корточки.

— Доктор Корбен, — сказал я медленно, четко. — Что такое сто сорок три?

Старик шептал, не останавливаясь.

Я попробовал еще раз.

— Это количество попыток? Вы пытались что-то изменить сто сорок три раза?

Ноль реакции.

— Или это код? Координаты?

Ничего.

Я встал, начал ходить по комнате. Думал вслух.

— Допустим, было сто сорок три попытки изменить прошлое. Все провалились. Портал — ловушка, потому что каждая попытка делает хуже. Неизбежность неизбежна, потому что протокол невозможно остановить.

Я остановился, посмотрел на старика.

— Но вы видели что-то еще. Что-то, что свело вас с ума. Что это было?

Корбен шептал.

Я подошел к столу, начал рыться в бумагах. Может, там есть что-то полезное. Старые записи, заметки, что угодно. Ничего полезного не нашел.

Я уже собирался уходить, когда старик вдруг заговорил.

Не прерывая шепота. Не поворачивая головы. Просто добавил к своей мантре новую фразу.

— ...сто сорок три... два ноль пять пять... земля, прием... неизбежность неизбежна... нужен ключ... но ключа нет... сто сорок три...

Я замер у двери.

Обернулся.

— Какой ключ? — спросил я тихо.

Старик шептал дальше, добавляя фразу в цикл.

— ...нужен ключ... но ключа нет... сто сорок три... два ноль пятьдесят пять...

Я подбежал к креслу, опустился на колени перед ним.

— Доктор Корбен, пожалуйста. Скажите мне. Какой ключ? Где его искать?

Старик смотрел сквозь меня, сквозь стену и реальность.

Шептал.

— ...нужен ключ... но ключа нет... неизбежность неизбежна...

Я схватил его за руки.

— Ключ к чему?! К порталу?! К протоколу?! Ответьте, черт возьми!

Корбен не реагировал.

Я начал трясти его.

— Ключ! Где ключ?! Как его найти?!

Дверь распахнулась. В палату вбежала медсестра — молодая девушка в белом халате.

— Что вы делаете?! — крикнула она. — Немедленно отпустите пациента!

Я отпустил старика, встал.

— Мне нужно поговорить с ним. Это важно.

— Доктор Корбен не в состоянии вести разговоры! — Медсестра подошла к креслу, проверила пульс старика. — У него старческое слабоумие, он не понимает, что происходит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.